Эр1 909
коллекция Лисовой

Святополк-Мирский Д.

Чем объяснить наше прошлое

Членъ Государственной Думы 2-го и 4-го Созыва

Князь Д. И. Святополкъ-Мирскій

ЧѢМЪ ОБЪЯСНИТЬ НАШЕ ПРОШЛОЕ
И
ЧЕГО ЖДАТЬ ОТЪ НАШЕГО БУДУЩАГО?

Rien n'est beau que le vrai, le vrai seul est aimable.

N. Boileau.

Извѣстное, хоть и не совсѣмъ понятное, дѣло: русскіе люди — самые изолгавшіеся люди въ цѣломъ свѣтѣ; а ничего такъ не уважаютъ, какъ правду — ничему такъ не сочувствуютъ, какъ именно ей.

И. С. Тургеневъ.

ПАРИЖЪ

1926

ЭР1 — 1
909

Членъ Государственной Думы 2-го и 4-го Созыва

Князь Д. Н. Святополкъ-Мирскій

ЧѢМЪ ОБЪЯСНИТЬ НАШЕ ПРОШЛОЕ
и
ЧЕГО ЖДАТЬ ОТЪ НАШЕГО БУДУЩАГО?

Rien n'est beau que le vrai, le vrai seul est aimable.

N. Boileau.

Извѣстное, хоть и не совсѣмъ понятное, дѣло: русскіе люди — самые изолгавшіеся люди въ цѣломъ свѣтѣ; а ничего такъ не уважаютъ, какъ правду — ничему такъ не сочувствуютъ, какъ именно ей.

И. С. Тургеневъ.

ПАРИЖЪ

1926

Tous droits de traduction et reproduction
réservés pour tous pays.

Copyright 1926

Я70079 м
ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
Сф 19247

I.

Революція, жертвой которой стала на нашихъ глазахъ Россія, по своей жестокости и по размѣрамъ причиняемыхъ ею бѣдствій, несомнѣно, превзошла самое крупное изъ однородныхъ съ ней историческихъ событій — Французскую Революцію 1789 года, и это вполнѣ понятно, если принять во вниманіе, съ одной стороны, несравненно болѣе низкій культурный уровень современной Россіи по сравненію съ Франціей конца 18-го столѣтія, а, съ другой , особенности нашей страны, страны бѣдной, съ суровымъ климатомъ, гдѣ условія жизни даже въ нормальное время нелегки, а тутъ еще Революція совпала съ разрухой, причиненной намъ продолжительной и тяжкой міровой войной.

Такимъ образомъ, тяжкія страданія, выпавшія у насъ на долю населенія, сперва въ связи съ анархіей, а затѣмъ со свирѣпой диктатурой большевиковъ, едва ли могутъ удивить кого-нибудь. Въ нашей, Русской Революціи поражаетъ наблюдателя (и притомъ не только иностранца, но и многихъ изъ насъ, русскихъ) другое обстоятельство, а именно, что кучкѣ насильниковъ, поработившихъ Россію, не было оказано да и сейчасъ нѣтъ серьезнаго отпора и противодѣйствія со стороны населенія, подпавшаго подъ гнетъ, по своей свирѣпости прямо таки неслыханный, по крайней мѣрѣ, для страны, у которой была репутація нѣкоторой культурности, подъ гнетъ, цѣль котораго, вдобавокъ ниспроверженіе и разрушеніе всего естественнаго порядка человѣческой жизни, всего естественнаго порядка человѣческихъ взаимоотношеній.

Вотъ явленіе, надъ которымъ стоитъ призадуматься. Намъ, русскимъ, очень важно выяснить его причины, а для этого необходимо возможно вдумчивѣй и безпристрастнѣй вглядѣться въ свое прошлое. Тому затяжному соціально-политическому недугу, которымъ уже давно болѣетъ Россія, недугу, самый острый пароксизмъ котораго сказался въ переживаемыхъ нами событіяхъ, пора поставить правильный діагнозъ. Иначе немыслимо правильное его лѣченіе. Нельзя указать надежныхъ лѣкарствъ для врачеванія болѣзни, если не ясны ея причины. Найти эти лѣкарства, найти эти средства тѣмъ болѣе важно, что тяжко болѣющій въ настоящее время русскій на-

родный организмъ по природѣ своей и крѣпокъ и живучъ и по выздоровленіи его ждетъ, несомнѣнно, блестящая будущность.

Вѣрно изобразить картину предреволюціонной соціально-политической Россіи — задача далеко нелегкая. Тутъ мы имѣемъ дѣло съ положеніемъ вещей, къ которому, если глядѣть на него со стороны, какъ нельзя лучше, подходитъ выраженіе «неразбериха».

Русскіе — народъ, несомнѣнно, оригинальный и самобытный, но въ то же время въ лицѣ своихъ высшихъ классовъ воспріявшій и какъ бы всосавшій въ себя массу чужеземныхъ, чуждыхъ ему идей, которыя на русской почвѣ дали самые неожиданные и часто уродливые ростки. Западно-европейская идейность пришла къ намъ поздно и внезапно, безъ надлежащей постепенности и подготовки. Изъ нея, при своей склонности къ увлеченіямъ и къ идеализму, мы заимствовали главнымъ образомъ крайніе выводы, иначе говоря, крайности, особенно опасныя въ условіяхъ нашей отсталой соціально-политической жизни. Вдобавокъ, черпая эти идеи вчуже, извнѣ, мы по большей части не имѣли случая и возможности ни уяснить себѣ причинъ возникновенія этихъ идей, тамъ, у себя, на мѣстѣ ихъ возникновенія, на ихъ родинѣ, ни прослѣдить процесса ихъ тамошняго «домашняго» развитія. Притомъ же при склонности русскаго человѣка жить не столько разсудкомъ, сколько сердцемъ, идеи эти, плохо провѣренныя и недостаточно продуманныя, легко и быстро переходили у насъ изъ области строгаго послѣдовательнаго мышленія въ царство фантастическихъ грезъ и мечтаній, а затѣмъ и фанатическихъ вѣрованій, тѣмъ болѣе стойкихъ и упорныхъ, чѣмъ менѣе они были доступны разумной критикѣ и контролю. Закрѣпленію, широкому закрѣпленію въ нашей общественности и даже государственности такихъ непровѣренныхъ фанатическихъ ученій — вѣрованій немало способствовалъ общій характеръ нашей соціальной и политической жизни.

Нѣтъ европейской страны, гдѣ ходъ исторіи носилъ бы болѣе «революціонный» и менѣе «эволюціонный» характеръ. Самыя крупныя событія новѣйшей русской исторіи, начиная съ реформъ Петра и кончая освобожденіемъ крестьянъ, носятъ у насъ прямо таки катастрофическій характеръ, своей неожиданностью и насильственностью глубоко потрясаютъ самыя нѣдра, самыя основы русскаго народнаго духа, то въ лицѣ высшихъ нашихъ классовъ, какъ реформы Петра, то всѣхъ общественныхъ слоевъ, какъ освобожденіе крестьянъ.

Предреволюціонная Россія — страна контрастовъ, совсѣмъ непонятныхъ иностранцу, контрастовъ, въ которыхъ и русскому то

человѣку разобраться нелегко. Съ одной стороны мы видимъ мужика, живущаго въ экономическихъ условіяхъ временъ царя Гороха, не имѣющаго понятія о правѣ собственности, а потому и чуждаго сопряженныхъ съ этимъ правомъ этическихъ и юридическихъ понятій, мужика, настолько полохо отличающаго свое отъ чужого, что для него, строго говоря, не существуетъ еще понятія кражи въ западно-европейскомъ смыслѣ этого слова. Во имя идей свободы съ мужика этого снята какая либо опека надъ нимъ болѣе культурныхъ элементовъ общества и онъ предоставленъ всецѣло себѣ, своимъ собственнымъ силамъ. Въ то же время культурный его уровень еще настолько низокъ, нравственно-правовые устои въ душѣ его настолько шатки, что достаточно стоящей надъ нимъ власти, съ ея аттрибутами принужденія и кары, достаточно этой власти на самое непродолжительное время удалиться съ поста своего сторожевого бдѣнія, какъ крестьянское населеніе сплошной массой, можно сказать, поголовно приступаетъ къ грабежу и разоренію всего его окружающаго, всего того, что ему лично не принадлежитъ.

А между тѣмъ все это происходитъ въ странѣ, въ которой внѣшнія показныя формы государственности ни въ чемъ не уступаютъ наиболѣе образцовымъ западно-европейскимъ, центральный государственный аппаратъ и законодательство налажены и функціонируютъ согласно послѣднему слову науки, судъ построенъ въ полномъ соотвѣтствіи съ велѣніями высшей юриспруденціи съ широкимъ примѣненіемъ суда присяжныхъ, налоговая система отвѣчаетъ требованіямъ раціональнѣйшей финансовой науки, страна изборождена сѣтью желѣзныхъ дорогъ, почтой и телеграфомъ.

Въ этой же странѣ разсѣяны по комфортабельнымъ усадьбамъ, какъ по оазисамъ среди культурной пустыни, помѣщики, благовоспитанные, честные, образованные, образованные въ смыслѣ широкаго знакомства съ тѣмъ, что вчуже за послѣднее время сдѣлано и дѣлается въ Западной Европѣ. Эти помѣщики глубоко проникнуты принципами права собственности, столь удачно кодифицированнаго для нихъ въ X-мъ томѣ нашего Свода Законовъ. Въ то же время отъ какого либо вмѣшательства въ судьбу крестьянства, отъ какого либо на него воздѣйствія, эти помѣщики, со времени освобожденія крестьянъ, отстранены и какъ бы отгорожены отъ крестьянъ глухой китайской стѣной.

И вотъ, чтобы судить, насколько эти устраненные отъ своего прямого призванія русскіе помѣщики за послѣднее время были далеки отъ окружавшей ихъ реальной дѣйствительности, насколько плохо они ее понимали, достаточно указать, въ качествѣ характер-

ной черточки, на два идейныхъ теченія въ ихъ средѣ, теченія другъ на друга непохожія, но въ одинаковой степени поражающія своей наивностью и безпочвенностью.

Часть нашего помѣстнаго дворянства, въ особенности при Александрѣ III-мъ, какъ страусъ, который прячетъ свою голову въ крыльяхъ, мечтаетъ о прочномъ незыблемомъ закрѣпленіи за собой своихъ земельныхъ владѣній путемъ созданія заповѣдныхъ имѣній и не въ шутку начинаетъ мнить о себѣ, какъ о чемъ то, хотя бы отдаленно, напоминающемъ англійскихъ лендлордовъ, другая же часть, наоборотъ, озабочена и носится съ проектами широкого привлеченія крестьянскихъ массъ къ дѣлу государственнаго строительства и въ этомъ направленіи готова итти вплоть до добровольной уступки и сдачи крестьянамъ, (которые, впрочемъ, объ этомъ никого не просятъ), тѣхъ еще немногихъ охранительныхъ позицій, которыя сохранились за помѣщиками въ области управленія.

Таковъ въ краткихъ чертахъ соціально-политическій обликъ нашихъ двухъ основныхъ производительныхъ общественныхъ классовъ передъ революціей, землѣдѣльца и землевладѣльца. Внизу полная невѣжественность, полное отсутствіе какихъ бы то ни было нравственныхъ и правовыхъ устоевъ, все растущая одичалость и распушенность при полной отчужденности отъ болѣе нравственныхъ и культурныхъ элементовъ общества. Наверху, въ станѣ землевладѣльцевъ, масса отдѣльныхъ личностей, милыхъ, честныхъ, воспитанныхъ, съ салонной точки зрѣнія образованныхъ, но съ точки зрѣнія соціально-политическихъ интересовъ деревни, а слѣдовательно, и страны, можно сказать, ставшихъ лишними, безполезными, такъ какъ со времени освобожденія крестьянъ они фактически отстранены отъ прямого своего призванія, отъ попечительныхъ заботъ о крестьянахъ.

И вотъ въ томъ соціально-политическомъ революціонномъ движеніи, которое довело Россію до нынѣшняго ея положенія, этимъ помѣщикамъ, искусственно отстраненнымъ отъ прямого ихъ дѣла, фактически утратившимъ связь съ крестьянствомъ, суждено было, къ сожалѣнію, сыграть роль, по послѣдствіямъ своимъ весьма печальную какъ для нихъ самихъ, такъ и для страны, для всего ея населенія. Дѣло въ томъ, что значительная часть нашего дворянства своимъ авторитетомъ, сознательно или безсознательно, оказала нашему революціонному движенію весьма существенную поддержку. Объясняется это тѣмъ, что со времени скороспѣлыхъ и неуклюжихъ реформъ Императора Александра II-го вся мыслящая Россія, въ томъ числѣ и дворянство, благодаря нелѣпой дѣятельности тщеслав-

наго и умственно недалекаго Царя-Освободителя, была направлена и неуклонно пошла по пути систематической оппозиціи Государю и его правительству.

Роль запѣвалъ въ этомъ движеніи играло у насъ, правда, не дворянство, а такъ называемая «интеллигенція», общественный классъ, первоначально возникшій изъ кучки вкусившихъ образованія пролетаріевъ, лицъ безъ культурнаго прошлаго и традицій. Эпоха 60-хъ годовъ выдвинула этотъ оригинальный русскій общественный классъ на арену политической дѣятельности, окрылила и закалила его. И вотъ вліянію этой интеллигенціи, благодаря особенностямъ русской послѣэмансипаціонной политической жизни, быстро подчинилось и наше помѣстное дворянство, часть котораго идейно прямо таки, можно сказать, вошла въ ряды интеллигенціи, тогда какъ другая его часть, духовно болѣе стойкая, все же не избѣгла въ значительной степени интеллигентской идейной окраски. Ко времени нашего революціоннаго катаклизма вся мыслящая Россія (даже прежде отличавшееся патріархальностью своихъ взглядовъ купечество, въ лицѣ своихъ представителей, вкусившихъ образованія), можно сказать, въ большей или меньшей степени «объинтеллигентилась».

Русскій, читающій эти строки, я думаю, сразу пойметъ, что я хочу этимъ сказать. Ниже я подробнѣй остановлюсь на исторіи возникновенія и анализѣ психики русской интеллигенціи, этого оригинальнѣйшаго продукта русской нездоровой общественности. Покуда довольно сказаннаго.

Итакъ, вотъ какова была соціально-политическая картина предреволюціонной Россіи. Дикарь-мужикъ, о которомъ въ сущности никто не печется и котораго всѣ плохо знаютъ и идеализируютъ. Помѣщики, давно отстраненные отъ дѣла, а потому дряблые и безвольные, недовольные, пріученные своими государями и сроднившіеся съ систематической оппозиціонностью, вдобавокъ, въ значительномъ своемъ большинствѣ «объинтеллигентившіеся». Наконецъ, last but not least, «интеллигенція», неистово лѣзущая съ краснымъ знаменемъ въ Революцію, самоотверженная, безкорыстная, неустрашимая, неподкупная, но невѣжественная, незнакомая ни съ народомъ, который она идеализируетъ, ни съ его исторіей, ни даже толкомъ съ прошлымъ той Западной Европы, культуру которой она хочетъ насаждать у насъ кровью и насиліемъ.

Замѣтьте при этомъ, что ни помѣщики, ни ителлигенція не пользуются довѣріемъ народа, т. е. крестьянства. Народъ довѣряетъ по традиціи и въ силу привычки только Царю, этому единственному

дѣйствительно активному фактору русской государственности въ ея прошломъ.

Но со времени «великихъ реформъ» 60-хъ годовъ самъ Царь, начиная съ Александра II-го, который «заварилъ всю кашу» и заплатилъ за это цѣною собственной жизни, самъ Царь, какъ выражаются французы, «ne sait où donner de la tête», и вотъ, когда на расшатаномъ дружными усиліями русскихъ мыслящихъ общественныхъ классовъ престолѣ возсѣлъ слабовольный и нерѣшительный Николай II, давно назрѣвавшая драма быстрыми шагами пошла къ своему трагическому исходу завершившемуся всѣмъ тѣмъ, что мы сейчасъ видимъ и наблюдаемъ въ Россіи.

II.

Послѣ только что сдѣланной, пожалуй, черезчуръ конспективно-схематической характеристики я позволю себѣ болѣе обстоятельно и подробно остановиться на генезисѣ предреволюціонной соціально-экономической и политической Россіи, генезисѣ, подготовившемъ у насъ торжество большевизма.

Какъ извѣстно, у большевизма двѣ характерныхъ черты: въ области соціально-экономической жизни — отрицаніе права собственности въ его крайнемъ выраженіи, въ формѣ коммунизма, въ области политической жизни — насильническій деспотизмъ. Этотъ послѣдній большевикамъ удалось довести до верха совершенства и, благодаря умѣлому проведенію его во всѣ стороны русской жизни, кучкѣ беззастѣнчивыхъ насильниковъ удалось закрѣпить за собой диктатуру въ Россіи, возможно, что надолго, возможно, что до тѣхъ поръ, пока не сойдетъ со сцены теперешняя кучка большевицкихъ вожаковъ, людей, прошедшихъ, какъ говорится, сквозь огонь и воду, людей, которымъ, можно сказать, море политической жизни по колѣна, и не смѣнится слѣдующимъ поколѣніемъ, болѣе дряблымъ, безъ надлежащаго революціоннаго закала, поколѣніемъ, разслабленнымъ и развращеннымъ злоупотребленіями власти, смести которое естественнымъ требованіямъ жизни уже будетъ легче.

Что касается коммунизма, какъ уклада, какъ строя хозяйственной, экономической жизни страны, то ни для кого не секретъ, что не только его, но даже соціализма въ умѣренныхъ его формахъ большевикамъ не удалось осуществить на дѣлѣ и, если не считать первыхъ, медовыхъ мѣсяцевъ ихъ господства, едва-ли это и входило въ ихъ планы. Экономическій коммунизмъ сейчасъ въ рукахъ кучки

большевицкихъ насильниковъ только средство борьбы. Онъ устраняетъ и давитъ мѣшающіе ихъ господству буржуазные и интеллигентные классы общества, онъ привлекаетъ сердца неимущихъ массъ, имя которымъ въ Россіи легіонъ. Потакая ихъ слабостямъ, разжигая ихъ страсти и въ то же время во имя торжества одурманивающаго ихъ коммунизма сдерживая ихъ въ ежевыхъ рукавицахъ безпощадной субординаціи, большевизмъ, думается, способенъ еще долго вести ту безпройгрышную политическую игру, въ которой главными его козырями являются, съ одной стороны, невѣжественность и стадность населенія, а съ другой, желѣзная воля и беззастѣнчивая неразборчивость въ средствахъ большевицкихъ вожаковъ.

Такимъ образомъ, вотъ, что сдѣлано большевиками. Въ области политической жизни водворенъ безпощадный кровожадный деспотизмъ, какого Россія не видѣла со временъ Іоанна Грознаго и Петра Великаго. Для господства и длительнаго, обезпеченнаго существованія большевиковъ — это, можно сказать, результатъ положительный. Въ области экономической жизни большевики добились весьма значительнаго разстройства хозяйственнаго организма Россіи. Это результатъ, несонѣнно, съ точки зрѣнія интересовъ большевизма отрицательнвый, но трудно устранимый, такъ какъ большевизму невозможно, не наложивь на самаго себя рукъ, отказаться отъ своего коммунистическаго фасада. Если-бы можно было возвратиться къ старымъ дореволюціоннымъ экономическимъ порядкамъ, скрасивъ ихъ, вдобавокъ, рядомъ прибыльныхъ для господствующей коммунистической партіи правительственныхъ монополій и при этомъ сохранить власть, теперешніе большевики, вѣрно, не задумались бы отрѣшиться отъ своихъ коммунистическихъ принциповъ. Но для большевиковъ это означало бы отказаться отъ самаго raison d'etre своего существованія: съ одной стороны, уступить дорогу дѣятельности и, что хуже, возмездію притаившихся въ Россіи и разсѣянныхъ заграницей буржуазныхъ элементовъ, съ другой стороны, утратить симпатію россійской голытьбы и, last but not least, лишиться такого орудія давленія и запугиванія Западной Европы, какъ международная коммунистическая пропаганда.

Послѣ всего сказаннаго я перейду къ болѣе подробному разсмотрѣнію вопроса, почему русскій народъ не оказаль серьезнаго противодѣйствія большевизму, почему такъ легко допустилъ онъ и несетъ на себѣ гнетъ и засиліе?

Проявленная русскимъ народомъ (можно сказать, всѣми его слоями) пассивность въ переживаемомъ нами революціонномъ катаклизмѣ, несомнѣнно, интересна сама по себѣ, какъ весьма любопыт-

ное историческое явленіе, но для насъ, русскихъ, правильное освѣщеніе вопроса пріобрѣтаетъ особенно важное значеніе, такъ какъ, скажу еще разъ, только правильно уяснивъ себѣ соціально-политическій недугъ и его причины, можно вѣрно судить о способахъ его излѣченія и мѣрахъ борьбы съ нимъ.

Еще разъ повторяю то, что уже было мной сказано. Россія, кромѣ нѣкоторыхъ внѣшнихъ формъ благоустройства, какъ то, центральнаго законодательнаго и правительственнаго аппарата, устройства арміи, внѣшняго быта небольшой кучки высшихъ общественныхъ классовъ, жизни большихъ городовъ, желѣзныхъ дорогъ и т. под., ничего общаго не имѣетъ съ Западной Европой.

Коренная ошибка нашихъ мыслящихъ общественныхъ элементовъ всегда состояла въ томъ, что за этими бьющими въ глаза внѣшними показными формами нашей соціально-политической оболочки они упускали изъ виду истинную суть, подлинную сердцевину Россійской «Европіи» и склонны были смотрѣть на своюродину, какъ на настоящую Европу, къ которой, молъ, примѣнимо и съ успѣхомъ должно быть примѣнено послѣднее слово западно-европейской государственности, права и политики.

Прежде всего замѣчу,(что основа современной западно-европейской культуры — глубокое проникновеніе въ народную жизнь принципа собственности, собственности во всѣхъ ея проявленіяхъ. Торжество началъ собственности на Западѣ сейчасъ полное. Даже тамошнія соціалистическія партіи, первоначально стремившіяся къ ниспроверженію собственности, постепенно преобразились и въ настоящее время представляютъ изъ себя не болѣе, чѣмъ весьма умѣренный и сдержанный органъ контроля подъ соціально-экономическимъ строемъ, основаннымъ на собственности. Не надо быть великимъ политико-экономомъ, чтобы знать, что центръ экономической жизни страны покоится въ добывающей промышленности, а именно, земледѣліи. На Западѣ вся земледѣльческая жизнь давно и прочно построена на началахъ собственности. Наоборотъ, въ предреволюціонной Россіи только кучка землевладѣльцевъ и горожанъ была причастна къ началамъ собственности, 9/10 населенія или даже болѣе въ лицѣ земледѣльца - крестьянина не знала у насъ собственности.

Едва-ли нужно подробно останавливаться на значеніи принципа собственности въ народной жизни. Покуда физическая и духовная природа человѣка остается такой, какой ее знаетъ исторія въ теченіе долгаго ряда столѣтій, нельзя придумать хозяйственно-правового

института, который въ большей и лучшей степени, чѣмъ собственность, удовлетворялъ бы физическія и духовныя потребности какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и всего человѣческаго общества. Только собственность, закрѣпляя за человѣкомъ и обезпечивая ему плоды его труда, удовлетворяетъ естественную потребность и стремленіе человѣка къ улучшенію своего благосостоянія и обезпеченію своего потомства; только собственность, при эгоистическихъ свойствахъ человѣческой природы, является достаточнымъ побужденіемъ къ подъему человѣческой трудоспособности и энергіи, столь необходимыхъ при все растущемъ населеніи для постепеннаго улучшенія и изощренія формъ и методовъ народнаго труда и роста его продуктивности.

Въ области добывающей промышленности, т. е. земледѣлія, значеніе началъ и принциповъ собственности особенно велико. Торжество этихъ началъ на культурномъ европейскомъ Западѣ выразилось въ полномъ повсюду вытѣсненіи общиннаго землепользованія землепользованіемъ единоличнымъ. Прочное и глубокое проникновеніе единоличнаго землепользованія въ жизнь широкихъ народныхъ массъ явилось тѣмъ фундаментомъ, той основой, на которой построилась прогрессивная культурная жизнь европейскаго Запада. Единоличное землепользованіе, приблизивъ земледѣльца къ объекту его труда, т. е. землѣ, обезпечивъ ему полную хозяйственную независимость, давъ просторъ его личной предпріимчивости, находчивости и энергіи, открывъ возможность трудолюбію и способностямъ въ должной мѣрѣ проявить себя, создало тѣ условія жизни, которыя необходимы для интенсификаціи сельско-хозяйственнаго промысла, роста его продуктивности и накопленія капиталовъ, этого conditio sine qua non правильно организованной, неизмѣнно прогрессирующей экономической жизни страны. Эти хозяйственныя условія на европейскомъ западѣ въ свою очередь способствовали возникновенію той духовной атмосферы, которая ведетъ къ неуклонному, непрерывному подъему умственнаго уровня, умственнаго развитія земледѣльческаго населенія. То неослабное напряженіе мысли, которое связано съ самостоятельной независимой хозяйственной иниціативой и интенсивнымъ земледѣльческимъ трудомъ — наилучшая гимнастика для умственныхъ способностей простолюдина. Это всего ярче и наглядней показалъ и доказалъ именно примѣръ Запада, гдѣ единоличное землепользованіе, эксплоатація земли, основанная на широкомъ и губокомъ проникновеніи въ жизнь началъ и принциповъ собственности, создала условія жизни, изощрившія умственныя способности земледѣльца, поднявшія его культурный уровень,

приведшія его къ правильному и разумному пониманію интересовъ своихъ и своего дѣла.

Но особенно велики оказались на Западѣ моральныя слѣдствія прочнаго укрѣпленія принципа собственности въ народной жизни. Проникшись сознаніемъ неприкосновенности и незыблемости своихъ имущественныхъ правъ, западно-европейскій земледѣлецъ постепенно пришелъ къ убѣжденію въ такомъ же характерѣ правъ своего сосѣда, онъ пришелъ къ убѣжденію въ необходимости ихъ уваженія во имя интересовъ того экономическаго строя, строя земельной собственности, міровоззрѣніемъ котораго онъ постепенно изъ поколѣнія въ поколѣніе все глубже и глубже проникался. Иначе говоря, нравственность, честность въ области имущественныхъ отношеній на Западѣ пріобрѣтала постепенно все болѣе и болѣе прочную бытовую подпочву, экономическую подоснову, экономическое основаніе, такъ какъ все болѣе и болѣе вытекала изъ вѣрнаго пониманія земледѣльцемъ истинныхъ интересовъ правильно упорядоченной хозяйственной жизни и, помимо велѣній моральнаго кодекса, коренилась въ укрѣпившемся въ народномъ сознаніи убѣжденіи не только въ обязательности, но и въ полезности, выгодности, экономической необходимости уваженія чужихъ имущественныхъ правъ.

Не то мы видѣли и видимъ сейчасъ у насъ. Крестьянская Россія до сихъ поръ еще живетъ въ условіяхъ самаго архаическаго, самаго рутиннаго и некультурнаго общиннаго землепользованія, подавляющаго въ крестьянинѣ всякую иниціативу, энергію и самодѣятельность, принизившаго его трудоспособность, гнетущаго и давящаго его своей принудительностью и подневольностью, развившаго въ немъ чувство стадности, а главное, не позволяющаго не только развиться и окрѣпнуть въ его душѣ, но даже только возникнуть чувствамъ и привычкамъ собственника.

Разница въ этомъ отношеніи между западно-европейскимъ крестьяниномъ и нашимъ огромная. И на Западѣ среди сельскаго населенія есть воры и преступники, но тамъ они являются своего рода «отщепенцами» существующаго соціально-экономическаго строя, у насъ же самый заурядный, дюженный крестьянинъ, дотолѣ ни въ чемъ дурномъ не замѣченный, при удобномъ случаѣ съ легкимъ сердцемъ, ничто же сумняшеся, готовъ покуситься на чужое добро, готовъ взять то, что «плохо лежитъ». Этотъ самый крестьянинъ при малѣйшемъ кризисѣ, параличѣ или бездѣйствіи власти опять таки съ легкимъ сердцемъ, безъ малѣйшихъ колебаній предаетъ потоку и разграбленію все его окружающее, точь въ точь крестьчнинъ временъ Jacquerie (14 стол.) во Франціи или Крестьянской войны (16

столѣт.) въ Германіи. Но разница (замѣчу мимоходомъ, не къ нашей выгодѣ) въ общей культурной обстановкѣ между Франціей временъ Jacquerie и Германіей временъ Крестьянской войны, съ одной стороны, и предреволюціонной Россіей, съ другой, опять таки была огромная и выражалась она въ томъ, что и во Франціи и въ Германіи высшій общественный классъ въ то время состоялъ изъ закованныхъ и въ подлинномъ и переносномъ смыслѣ слова въ броню феодаловъ, настолько трезво смотрѣвшихъ на вещи, что, напримѣръ, во Франціи сто лѣтъ упорно другъ съ другомъ воевавшіе (это было во время Столѣтней войны) французы и англичане моментально заключили между собою перемиріе и общими силами подавили крестьянское возстаніе (Jacquerie), у насъ же помѣщики предреволюціонной россіи, при томъ же уровнѣ крестьянской культуры, назывались кадетами, октябристами и иными культурно-просвѣщенными личностями, мечтавшими о мелкой земской единицѣ, всеобщемъ избирательномъ правѣ, всеобщемъ начальномъ обученіи и тому подобной «завиральности».

III.

Итакъ, современный нашъ крестьянинъ по своей психикѣ напоминаетъ западно-европейскаго крестьянина далекой отъ насъ средневѣковой эпохи. Значитъ ли это, что нашъ крестьянинъ по задаткамъ своимъ, способностямъ и духовной природѣ хуже западно-европейскаго? Понятно, нѣтъ. Кто не знаетъ смышленности русскаго человѣка, его доброты, умѣнія подчиняться, беззавѣтной храбости, религіозности? Больше того, не будучи такъ называемымъ «народникомъ», не впадая въ крайности Толстовской идеализаціи нашего народа, и теперь послѣ всего происшедшаго и происходящаго все же нельзя не признать, что русскій народъ вполнѣ заслуживаетъ данный ему нѣкоторыми русскими мыслителями эпитетъ «народа-богоносца», такъ какъ при сравнительно низкомъ культурномъ уровнѣ онъ болѣе какого-либо другого христіанскаго народа сумѣлъ осуществить и провести въ жизни ту часть Христова ученія, которая выражается въ участіи къ ближнему, сострадательности и милосердіи.

Недостатки нравственно-правового облика нашего крестьянина объясняются тѣмъ, что по сравненію съ западно-европейскимъ нашъ крестьянинъ стоитъ на иной, болѣе низкой ступени экономическаго, соціальнаго и культуранго развитія. Западный крестьянинъ уже

сравнительно давно живетъ въ условіяхъ земельной собственности со всѣми ея моральными, соціальными и культурными выгодами и преимуществами, нашъ же попрежнему прозябаетъ въ условіяхъ земельной общины съ ея отрицательными сторонами, изъянами и недостатками.

Само собою разумѣется, что на Западѣ земельный строй, основанный на собственности, не родился внезапно, какъ Минерва изъ головы Юпитера, и въ этомъ большой грѣхъ нашего правительства и общества передъ народомъ, что оно до самаго послѣдняго времени не было знакомо съ исторіей эволюціи крестьянской жизни на Западѣ и прежде всего съ исторіей эволюціи тамошняго крестьянскаго землепользованія. Ослѣпленные блескомъ западно-европейской современности, наши полукультурные и близорукіе либералы прогледѣли суровое прошлое, исподволь подготовившее на Западѣ теперешнюю тамошнюю «либеральную» современность, и къ русскимъ крестьянамъ, находившимся на культурномъ уровнѣ французскихъ крестьянъ временъ Jacquerie или нѣмецкихъ 16-го столѣтія, примѣнили начала свободы современной Западной Европы. Этимъ они и себя и русское крестьянство и все русское государство завели въ тотъ тупикъ, естественнымъ, хотя и ужаснымъ выходомъ изъ котораго должна была рано или поздно явиться та безобразная Революція, которая сейчасъ гложетъ Россію.

Насколько была длительна культурная эволюція, подготовившая западно-европейскаго крестьянина къ успѣшному проведенію въ его жизни началъ свободы и самодѣятельности, можно судить по примѣрамъ Германіи и Франціи.

Германія прежде была страной классической земельной общины. Изучая вопросъ о земельной общинѣ, я бывалъ пораженъ, до какой степени наше общиное земельное устройство даже въ мелочахъ совпадало съ общиннымъ земельнымъ строемъ и его законоположеніями въ Германіи, съ той лишь разницей, что законоположенія, державшіяся у насъ еще въ первой половинѣ 19-го столѣтія, въ Германіи приходилось отмѣчать въ законодательныхъ сборникахъ самаго отдаленнаго средневѣковья. И вотъ въ Германіи подъ эгидой мѣстныхъ феодаловъ — помѣщиковъ архаическая крестьянская земельная община постепенно разложилась и претворилась въ культурную единоличную земельную собственность. Процессъ прошелъ различно въ разныхъ частяхъ Германіи, но даже въ самыхъ отсталыхъ ея частяхъ, какъ напримѣръ, въ Пруссіи, земельная община была окончательно уничтожена уже въ 18-мъ столѣтіи (при Фридрихѣ Великомъ) и въ началѣ 19-го столѣтія отъ нея не сохранилось и слѣда.

Только въ связи съ завершеніемъ этой эволюціи крестьянамъ въ Германіи была предоставлена свобода и связанная съ ней самодѣятельность. Такъ напримѣръ, въ Пруссіи крестьяне были освобождены отъ крѣпостной зависимости въ 1808-мъ году, въ Баваріи въ 1830-мъ. И то въ Пруссіи, согласно Gesindeordnung, вплоть до 1872-го года былъ сохраненъ за помѣщиками вотчинный судъ надъ крестьянами и право тѣлесныхъ наказаній.

Въ противоположность Германіи Франція всегда была страной классическаго единоличнаго землепользованія, которое было тамъ насаждено еще римлянами въ 4-мъ—5-мъ столѣтіяхъ по Р. Хр. съ прикрѣпленіемъ крестьянъ къ землѣ въ формѣ института, носившаго названіе колоната. Болѣе чѣмъ тысячелѣтняя эволюція крестьянской земельной собственности во Франціи состояла въ процессѣ постепеннаго пріобрѣтенія крестьянами покупкою въ собственность земли, на которой они сидѣли. Недешево и путемъ колоссальнаго напряженія труда и бережливости досталась земля французскому крестьянину, какъ объ этомъ повѣствуютъ его историки Doniol и Dareste de la Chavanne.

Западная Европа настолько свыклась и сроднилась съ земельнымъ строемъ, основаннымъ на строго проведенномъ принципѣ собственности, что психика нашего крестьянина—общинника совершенно для нея непонятна. Чтобы снизойти до психики нашего крестьянина, современному западно-европейцу, даже образованному, надо проявить большую вдумчивость, большое напряженіе мысли, надо переломить прочно вкоренившееся міровозрѣніе. Даже въ этихъ условіяхъ ему, можетъ быть, удастся достичь лишь мимолетнаго поверхнастнаго пониманія, точь въ точь какъ современному европейцу даже путемъ продолжительныхъ изслѣдованій и умственныхъ усилій удается лишь слегка приподнять завѣсу надъ духовнымъ міромъ какого нибудь древняго египтянина, ассирійца или даже грека и римлянина. Въ концѣ концовъ для современнаго западно-европейца земельная община такое же ископаемое, какъ и всякій другой вполнѣ отжившій свое время соціально-правовой институтъ, и какое-нибудь «Des origines de la propriété et de ses formes primitives» Emile de Laveleye не больше говоритъ его воображенію, чѣмъ «La Cité Antique» Fustel de Coulanges.

Итакъ, мы видѣли, что антикультурное, антипрогрессивное соціально-экономическое прошлое нашего крестьянина было причиной того, что къ моменту Революціи изъ нашего крестьянина еще не успѣлъ выработаться стойкій общественный элементъ, дорожащій началами собственности и порядка, съ прочными въ душѣ правовыми

и нравственными устоями, съ пониманіемъ своихъ и чужихъ правъ и обязанностей, не успѣлъ выработаться общественный элементъ, способный къ самодѣятельности, а слѣдовательно, и къ самозащитѣ, къ организаціи сознательнаго систематическаго отпора насилію.

Для насъ, русскихъ, въ связи со всѣми только что высказанными мною соображеніями, въ особенности послѣ всего нами пережитаго, казалось бы, обязательны слѣдующіе два логическихъ въ отношеніи нашего крестьянства вывода, особенно важныхъ для устроенія нашей жизни въ будущемъ. Во-первыхъ. Съ точки зрѣнія соціально-экономической жизни русскій простолюдинъ въ полномъ смыслѣ слова еще дитя. Но если странно и преждевременно говорить о его самодѣятельности въ области его соціально-экономической жизни, гдѣ онъ подавленъ и угнетенъ рутинно—архаическимъ земельнымъ бытомъ, то тѣмъ болѣе въ области жизни политической. А между тѣмъ и сейчасъ еще у насъ, несомнѣнно, найдется немало наивныхъ политическихъ мечтателей, умѣющихъ плясать лишь отъ печки «интеллигентской завиральности», которые способны и теперь по-прежнему увлекаться идеей широкой у насъ демократіи и народоправства.

Второй выводъ. Къ нашему простолюдину-крестьянину за все имъ содѣянное надо отнестись съ должнымъ снисхожденіемъ. Въ его будущности отчаиваться не приходиться. Надо отдать себѣ отчетъ, что «нашъ добрый и умный народъ», какъ называлъ его еще Грибоѣдовскій Чацкій, по большей части «не вѣдалъ, что творилъ», тѣмъ болѣе, что не было еще примѣра въ исторіи, когда на долю народныхъ массъ выпадали бы руководители и вожаки, болѣе слабые и неумѣлые, чѣмъ у насъ передъ Революціей. Русскіе руководящіе общественные классы — самое больное мѣсто русской исторіи, русской общественности и государственности въ ея прошломъ, и вотъ на вопросѣ соціальныхъ взаимоотношеній, съ одной стороны, русскихъ руководящихъ, мыслящихъ, а съ другой, низшихъ общественныхъ классовъ, въ связи со всѣмъ происшедшимъ и происходящимъ сейчасъ въ Россіи, я позволю себѣ остановиться подробнѣй.

IV.

Цѣль, которую преслѣдуетъ настоящій очеркъ, и краткіе его размѣры не допускаютъ мало-мальски обстоятельныхъ, а потому пространныхъ разсужденій историко-философскаго характера. Я не стану поэтому подробно останавливаться на достаточно выясненномъ

современной исторической наукой вопросѣ о значеніи культурно-экономическаго воздѣйствія высшихъ общественныхъ классовъ на низшіе и въ частности класса землевладѣльческаго на земледѣльческій. На Западѣ, какъ извѣстно, это воздѣйствіе носило характеръ весьма длительнаго и строгаго подчиненія земледѣльца землевладѣльцу. Западно-европейскій крестьянинъ прошелъ черезъ муштровку и школу, весьма продолжительную и суровую, феодальнаго крѣпостного права.

Въ Германіи крѣпостное право (Leibeigenschaft, впослѣдствіи Erbunterthänigkeit) уже вполнѣ сложившійся правовой институтъ въ 13-мъ, 14-мъ, 15-мъ столѣтіи, въ зависимости отъ мѣстности. Между тѣмъ исчезаетъ тамъ крѣпостное право лишь сравнительно очень недавно, между 1783-мъ (Баденъ) и 1830-мъ (Баварія) годами, тоже въ зависимости отъ мѣстности, главнымъ образомъ въ зависимости отъ ея культурности, причемъ отмѣна крѣпостного права совпадаетъ или, вѣрнѣе, слѣдуетъ за исчезновеніемъ послѣднихъ остатковъ архаическаго общиннаго землевладѣнія.

Но и во Франціи, классической странѣ земельной собственности, крѣпостное право (le servage), не менѣе суровое, чѣмъ въ Германіи, сыграло крупную роль въ дѣлѣ культурно-экономическаго воспитанія крестьянства. По отзывамъ историковъ французскаго крестьянства (Doniol и Dareste de la Chavanne) крѣпостное право въ теченіе долгаго ряда столѣтій способствовало высокому напряженію силъ французскаго крестьянина, изощрило его трудоспособность и выработало изъ него перваго земледѣльца въ мірѣ, классическаго носителя началъ собственности и порядка, того самого, который на революціонные призывы агитатора хладнокровно отвѣчаетъ: «Oui, Monsieur, la terre pour rapporter a besoin d'etre remuée, mais le pays n'a qu'à rester tranquille!» (смотр. остроумнѣйшую книгу Ludovic'a Halevy «La Famille Cardinal»), того самаго крестьянина, который провалилъ Революцію 1848 -го года, такъ какъ испугался бредней парижскихъ соціалистовъ («les partageux», какъ онъ ихъ называлъ) о раздѣлѣ земли.

Крѣпостное право во Франціи уже въ 8-мъ столѣтіи вполнѣ сложившійся институтъ, отмѣна его относится главнымъ образомъ къ 15-му столѣтію, въ зависимости отъ мѣстности, но въ такихъ культурно отсталыхъ провинціяхъ, какъ Бургонь, остатки его держатся даже еще въ 18-мъ столѣтіи.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что на Западѣ крестьянинъ проходитъ черезъ эпоху суроваго и безграничнаго подчиненія помѣщику продолжавшуюся, въ зависимости отъ мѣстности, отъ 500-тъ до

1000- лѣтъ. Этому способствовали условія мѣстности. Западъ уже давно живетъ въ условіяхъ прочной осѣдлой жизни, вызываемой сравнительной миніатюрностью, пересѣченностью и ограниченностью занимаемой имъ территоріи. Западная Европа подъ властью феодаловъ, какъ извѣстно, распалась на множество мелкихъ узкозамкнутыхъ хозяйственно-экономическихъ ячеекъ, въ предѣлахъ которыхъ помѣщику-феодалу нетрудно было властно и прочно наложить свою руку на крестьянина, а этому послѣднему, если такъ можно выразиться, рѣшительно некуда было податься. Если принять во вниманіе, что указанное подчиненіе протекало или въ условіяхъ прогрессирующей земельной собственности, какъ мы это видимъ во Франціи, или завершилось окончательнымъ переходомъ крестьянина отъ архаической земельной общины къ культурной земельной собственности, какъ мы это видимъ въ Германіи, то неудивительно, что изъ западно-европейскаго крестьянина постепенно выработался типъ культурнаго труженика, привреженца началъ собственности и порядка, носителя и охранителя идей правовой общественности и государственности.

Противоположную соціально-правовую картину видимъ мы у насъ. На Западѣ мы наблюдаемъ длительную и прочную осѣдлость населенія, у насъ — непрерывное его передвиженіе съ мѣста на мѣсто. При необъятной площади нашего отечества, при постоянномъ притокѣ, въ связи съ завоеваніями, новыхъ свободныхъ земель, при большей или меньшей однородности на всемъ пространствѣ нашего отечества климатическихъ, топографическихъ и почвенныхъ условій, сельскому населенію для пропитанія своего прироста не приходилось думать объ интенсификаціи и улучшеніи своихъ хозяйственныхъ методовъ и пріемовъ. Колонизація, распашка все новыхъ и новыхъ свободныхъ земель — вотъ постоянный, непрерывный, вплоть до нашего времени, выходъ изъ затрудненія. Ясно, что въ этихъ условіяхъ земледѣліе все время находилось у насъ на самой первобытной стадіи своего развитія, а культурное и правовое развитіе сельскаго населенія на весьма низкомъ уровнѣ. Объ укрѣпленіи надъ крестьяниномъ власти помѣщика, а тѣмъ болѣе о какомъ либо культурномъ на него воздѣйствіи очень долго у насъ не могло быть и рѣчи.

Во-первыхъ, сами помѣщики очень долго являлись у насъ такимъ же полу бродячимъ, неосѣдлымъ элементомъ, какъ и крестьяне. Извѣстна исторія нашихъ помѣстій, этихъ не наслѣдственныхъ, а временныхъ владѣній, переходившихъ отъ лица къ лицу не по наслѣдству, а по праву службы. Собственность на помѣстья юридически

признана у насъ только въ царствованіе Петра 1-го и Анны Іоанновны. Можетъ ли въ этихъ условіяхъ итти рѣчь, ужъ я не говорю о порядкахъ, хотя бы въ чемъ нибудь напоминающихъ суровые западно-европейскіе, а вообще о какой либо мало-мальски тѣсной связи между помѣщикомъ и крестьяниномъ, между землевладѣльцемъ и земледѣльцемъ!

И у насъ существовало крѣпостное право (этотъ «жупель» нашихъ интеллигентовъ, при одномъ упоминаніи о которомъ еще не такъ давно съ этими политическими младенцами чуть не случался припадокъ родимчика). Но наше крѣпостное право не можетъ итти въ сравненіе съ западно-европейскимъ ни по длительности, ни по суровости своего воздѣйствія, а слѣдовательно, и по плодотворности достигнутыхъ имъ результатовъ.

Можетъ ли итти рѣчь о прочной культурной связи крестьянина съ землей, а тѣмъ болѣе съ помѣщикомъ при полубродячемъ характерѣ населенія? Извѣстенъ апрѣльскій указъ 1597-го года Бориса Годунова о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ. Какъ извѣстно, на самомъ дѣлѣ этотъ указъ лишь явился своего рода попыткой съ негодными средствами. И въ 17-мъ столѣтіи населеніе у насъ еще не осѣло прочно на землѣ. При его бродячихъ инстинктахъ, при физической невозможности прочно наложить на него руку не приходится и говорить о внѣдреніи и укрѣпленіи началъ крѣпостного права въ жизни нашей деревни. «Нѣтъ рабочихъ рукъ» — вотъ скорбный припѣвъ русскаго помѣщичьяго хозяйства какъ въ новѣйшее время, такъ и въ ту отдаленную пору. Помѣщики заняты сманиваніемъ другъ у друга крестьянъ и даже въ началѣ 18-го столѣтія правительство еще борется съ такъ называемымъ ихъ «свозомъ». Только въ 18-мъ столѣтіи крѣпостное право выливается у насъ въ болѣе строгія и опредѣленныя формы и въ такомъ видѣ держится у насъ до освобожденія крестьянъ.

Такимъ образомъ, крѣпостное право просуществовало у насъ въ условіяхъ нашей хаотической неупорядоченной экономической жизни въ общей сложности лѣтъ 250, въ томъ числѣ въ развитой своей формѣ не болѣе 150-ти лѣтъ. Вдобавокъ, оно сошло съ историческої сцены въ тотъ моментъ, когда у насъ еще ничего не было сдѣлано въ смыслѣ уничтоженія общины и крестьяне находились на самомъ низкомъ уровнѣ своего экономическаго и культурнаго развитія. Такимъ образомъ, въ 1861-мъ году въ силу особаго оригинальнаго хода русскихъ историческихъ событій наши помѣщики были отстранены отъ выпоненія только еще предстоявшей имъ культурной въ отношеніи крестьянъ миссіи, а крестьяне предоставлены собствен-

нымъ своимъ силамъ въ ту эпоху своей культурной эволюціи, когда въ нихъ еще не успѣли окрѣпнуть ни начала самодѣятельности, ни принципы собственности, права и порядка.

Въ связи со всѣмъ сказаннымъ, едвали кому нибудь можетъ показаться удивительнымъ, что наши некультурныя неорганизованныя сами готовыя въ любой моментъ перейти къ грабежу и разоренію, крестьянскія массы не могли явиться защитой и оплотомъ къ охраненію какого либо общественнаго и правового порядка. Съ другой стороны, вполнѣ понятно, что, подпавъ подъ желѣзную диктатуру большевиковъ, наши крестьяне при своей невѣжественности и неспособности къ какой бы то ни было самодѣятельности оказались не въ состояніи выдѣлить изъ своей среды людей, способныхъ стряхнуть съ нихъ большевицкое иго. Впрочемъ, и особыхъ побужденій къ этому у крестьянскихъ массъ, какъ я объясняю это ниже, не было. Кромѣ того, давнишняя централизація Россіи и привычка подчиняться велѣніямъ Самодержца пріучила русскаго мужика къ повиновенію. Да и вообще русскій народъ (въ особенности главная его масса, великороссы) любитъ сильную власть, независимо отъ характера ея проявленія — лучшее этому доказательство, что онъ до сихъ поръ въ своихъ пѣсняхъ и сказаніяхъ о Грозномъ Царѣ вспоминаетъ о немъ съ несомнѣннымъ оттѣнкомъ сочувствія.

Извѣстный нѣмецкій соціалистъ Каутскій говоритъ, что никакая длительная Революція не мыслима безъ сочувствія и участія въ ней высшихъ, образованныхъ общественныхъ классовъ. Этотъ афоризмъ находитъ себѣ подтвержденіе во Французской Революціи 1789-го года, а еще болѣе блестящее въ нашей теперешней, Русской, которую подготовили и сдѣлали наши мыслящіе, образованные, руководящіе общественные классы.

V.

Можно быть безразлично консерваторомъ или либераломъ, индивидуалистомъ или соціалистомъ (коллективистомъ), но нельзя отрицать исторіи и фактовъ. Нельзя не признать огромнаго воспитательнаго значенія въ прошломъ культурныхъ народовъ и большой цѣнности въ ихъ настоящемъ за высшими общественными классами этихъ народовъ, классами, болѣе обезпеченными въ имущественномъ отношеніи, болѣе стойкими и независимыми въ нравственномъ, классами съ болѣе широкимъ и далекимъ умственнымъ кругозоромъ.

Западно-европейскіе народы, какъ я уже кратко на это указалъ, сумѣли использовать въ своемъ прошломъ эти высшіе общественные классы въ качествѣ суровыхъ «учителей и наставниковъ народныхъ», сумѣвшихъ довести тамошнія народныя массы до теперешняго ихъ высокаго культурнаго уровня. Да и теперь на Западѣ при соціальной и политической зрѣлости народныхъ массъ, вѣрнѣе, именно благодаря ей, уже безъ всякаго принужденія продолжаютъ играть роль охранителей общественнаго порядка и государственности и надежныхъ политическихъ руководителей тамошніе высшіе общественные классы, какъ бы ихъ ни назвать — аристократія въ союзѣ съ буржуазіей въ Германіи и Англіи, буржуазія (да еще какая стойкая!) во Франціи.

Исторія русскихъ общественныхъ классовъ (нашихъ аристократическихъ и буржуазныхъ элементовъ) — самое больное мѣсто нашего прошлаго, нашего настоящаго и, что всего печальнѣй, можно думать, и нашего будущаго.

Сердце обливается кровью, когда, изучая наше прошлое, видишь, какъ нѣсколько разъ возникали и слагались у насъ руководящіе общественные классы, то въ формѣ аристократическихъ, то буржуазныхъ элементовъ, и всякій разъ безпощадная исторія, можно сказать, вырывала ихъ съ корнемъ, сметала ихъ безъ слѣда и остатка.

Два историческихъ фактора способствовали разложенію, а затѣмъ гибели нашихъ высшихъ общественныхъ классовъ: наши государи — самодержцы и вліяніе на нашу жизнь западно-европейской культуры черезъ призму нашей культурной отсталости и неподготовленности.

Наши Государи, несомнѣнно, самый крупный и, пожалуй, единственно мощный факторъ нашей государственности въ ея прошломъ. Кто станетъ отрицать роль огромной исторической важности, сыгранную ими въ дѣлѣ собиранія Руси, въ дѣлѣ созданія того сложнаго національнаго организма, прочность и спаянность котораго на нашихъ глазахъ воочію доказала Революція! Идея, красной нитью проходящая черезъ геніальное произведеніе Карамзина, никѣмъ не опровергнута и едвали можетъ быть опровергнута. И на Западѣ существовали абсолютныя монархіи, когда то пользовавшіяся большимъ моральнымъ авторитетомъ и привязанностью населенія, но нигдѣ эти чувства не достигали такой силы, такого высокаго напряженія, какъ въ нашемъ отечествѣ. И это вполнѣ понятно, если вникнуть въ условія нашей жизни и сочетаніе нашихъ общественныхъ силъ въ прошломъ. Россія въ теченіе долгаго ряда столѣтій

несла тяжкія обязанности авангарда европейской цивилизаціи.. Ея географическое положеніе натоятсельно требовало сильной центральной власти. Но, что всего важнѣе, какъ я уже на это указывалъ, у насъ никогда не существовало (а если и было, то въ видѣ мимолетнаго спорадическаго явленія) того сложнаго комплекса соціальныхъ взаимоотношеній, какой мы видимъ на Западѣ въ лицѣ феодализма и подобныхъ ему соціально-экономическихъ правовыхъ интситутовъ, создававшихъ на Западѣ цѣлую сѣть и цѣлую градацію мѣстныхъ весьма цѣпкихъ и стойкихъ зависимостей, а слѣдовательно, и привязанностей. Мы уже видѣли, насколько до самаго послѣдняго времени (до 18-го столѣтія) слаба была нравственная и соціальная связь между нашимъ крестьяниномъ и помѣщикомъ и насколько ничтоженъ былъ политическій и соціальный вѣкъ нашего помѣщика. Ясно, что всѣ тѣ чувства простолюдина, которыя на Западѣ дробились между высшимъ выраженеімъ государственности (императоромъ въ Германіи или королемъ во Франціи и т. под.),мѣстнымъ государемъ и, наконецъ, феодаломъ — помѣщикомъ, у насъ сосредоточивались на особѣ Государя. Ясно, насколько у насъ эти чувства, вслѣдствіе своей сосредоточенности, выигрывали въ глубинѣ, силѣ и прочности. На Западѣ центральная верховная власть принуждена была или долго бороться съ соперничавшими съ ней общественными элементами (какъ во Франціи)), или пойти на значительныя имъ уступки и согласиться на ихъ контроль (какъ въ Англіи), или же окончательно стушеваться (какъ въ Германіи). У насъ, начиная съ 15-го столѣтія, наши Государи не знаютъ никакой соперничающей съ ними силы.

Русская безпристрастная исторія еще не написана и не скоро будетъ написана. Слишкомъ долго еще головы у насъ будутъ затуманены страстями, предвзятостью и тенденціозностью. Но будущій правдивый историкъ когда нибудь воздастъ должное русскому народу за тѣ чувства, которыя онъ такъ долго и упорно питалъ и проявлялъ своимъ государямъ. Онъ признаетъ, что народъ, способный на такую безграничную преданность ради идеи, на такое безкорыстное служеніе отнюдь не за страхъ, а за совѣсть, на самопожертвованіе, не притязательное, не показное, не хвастливое, а только ради велѣній сердца, что такой народъ, очевидно, носитъ въ себѣ какія то высшія духовныя начала, что такому народу можно простить многія его ошибки и прегрѣшенія, а въ высокомъ его призваніи и будущности сомнѣваться невозможно.

Пусть то, что я говорю, не покажется читающему эти строки,

притворнымъ или преувеличеннымъ и насыщеннымъ. Вотъ, что навело меня на только что высказанные мысли и взгляды.

Кто изъ насъ не читалъ еще въ дѣтствѣ талантливаго произведенія графа А. К. Толстого «Князь Серебрянный!» Кто не помнитъ образцово нарисованной поэтомъ исторической картины: Царя-изверга, все время избивающаго преданнѣйшихъ своихъ слугъ, все время намѣчающаго среди нихъ новыя и новыя жертвы, которыя онъ посылаетъ на мученія и смерть.

Такіе изверги бывали и на Западѣ, напримѣръ, Людовикъ XI-й во Франціи или Генрихъ VIII-й въ Англіи, но тамъ они прятались отъ своихъ жертвъ за десятью замками.

Наоборотъ, что мы видимъ при дворѣ Іоанна Грознаго? Царя, пирующаго среди своихъ бояръ, вооруженныхъ съ ногъ до головы, и тутъ же намѣчающаго свои жертвы и приводящаго въ исполненіе свои преступные замыслы: одному посылающаго завѣдомо для него отравленный кубокъ, который онъ выпиваетъ съ глубокимъ поклономъ, другого тутъ же посылающаго на казнь, на которую онъ идетъ безропотно и безпрекословно! И среди этихъ людей, какъ гибнущихъ по мановенію Царя-изверга, такъ и покуда оставленныхъ живыми, людей, закаленныхъ въ бояхъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы вокругъ беззащитнаго Царя, не слышно даже протеста ропота или негодованія!

Признаться, читая «Князя Серебрянаго», я считалъ эту картину преувеличенной и не особенно довѣрялъ ей, какъ вообще такъ называемымъ «историческимъ» романамъ, покуда не познакомился съ трудами нашего славнаго историка В. О. Ключевскаго, человѣка, котораго никакъ нельзя заподозрить въ особомъ расположеніи и сочувствіи высшимъ общественнымъ классамъ. Оказалось, что въ картинѣ, нарисованной гр. А. К. Толстымъ, по сравненію съ исторической дѣйствительностью не было ни одной лишней черточки, ни одного сгущеннаго красочнаго мазка.

Вотъ изъ какой сокровищницы народнаго чувства русскіе цари почерпали свои нравственныя силы и авторитетъ!

Я говорилъ сейчасъ о Іоаннѣ Грозномъ, государѣ-извергѣ. Нечего и пояснять, что большинство нашихъ государей не походили на него и вполнѣ были достойны тѣхъ чувствъ благоговѣйной преданности, которыя питалъ къ нимъ народъ. Достаточно упомянуть объ Алексѣѣ Михайловичѣ и всѣхъ нашихъ государяхъ послѣдняго времени: Александрѣ I-мъ, Николаѣ I-мъ, Александрѣ II-мъ и Александрѣ III-мъ, людяхъ, не только глубоко проникнутыхъ чув-

ствомъ долга и святости своего призванія, но и въ полномъ смыслѣ слова рыцаряхъ и джентльменахъ съ головы до ногъ.

Но въ связи съ только что нарисованной картиной, въ особенности въ связи съ выработавшейся въ высшихъ классахъ привычкой безпрекословнаго подчиненія волѣ Государя, въ лицѣ этого послѣдняго оказалась не только воплощенной, но попросту фактически сосредоточенной вся полнота нашей общественности и государственности.

Не только законъ и обычай, но, что важнѣе, народное чувство, народная вѣра видѣла въ Государѣ единственный источникъ творчества въ области поступательнаго движенія и развитія нашей общественности и государственности. Какъ тутъ было не закружиться головѣ! Какъ было устоять противъ соблазна того квази- «просвѣщеннаго» безусловно благонамѣреннаго и благожелательнаго своевластія, которое въ условіяхъ нашей культурной отсталости и превратнаго нами пониманія западно-европейской культуры привело нашихъ государей къ смѣлымъ и рискованнымъ соціально-политическимъ экспериментамъ, экспериментамъ, потрясшимъ Россію отъ верховъ до основанія и скомпрометировавшимъ ея будущность.

Нечего и пояснять, что излюбленнымъ объектомъ этихъ экспериментовъ явились для нашихъ государей наши высшіе общественные классы, къ краткому очерку исторіи которыхъ я теперь и перейду.

Нашъ славный историкъ В. О. Ключевскій въ одномъ изъ своихъ сочиненій говоритъ: «Для всякаго общества нелегкое дѣло создать классъ, пригодный къ управленію». Тѣмъ болѣе нелегко это было въ условіяхъ нашей общественности и государственности, которыя я здѣсь уже нѣсколько разъ кратко охарактеризовалъ. И однако же этотъ классъ не только возникъ у насъ въ лицѣ боярства, но еще до Іоанна Грознаго занялъ такое вліятельное и почетное положеніе въ государствѣ, съ которымъ вынуждены были считаться даже наши самовластные вѣнценосцы. Скептикамъ я совѣтую познакомиться съ сочиненіями Ключевскаго вообще, а въ особенности съ его классическимъ произведеніемъ «Боярская Дума», историческимъ изслѣдованіемъ, которому по независимости, безпристрастію, обоснованности и документированности взглядовъ и выводовъ, едвали много равныхъ. Вообще съ произведеніями Ключевскаго не мѣшаетъ познакомиться каждому русскому, чтобы убѣдиться, сколь несправедливо охаяна и заплевана съ легкой руки величайшаго въ исторіи путанника и сумбурника Императора Петра Великаго наша древняя Допетровская Русь.

Въ исторіи много незаслуженныхъ репутацій и къ числу ихъ относится міровая слава Петра, этого «великаго человѣка на малыя дѣла», по развитію и образованію недоучки, а по пріемамъ типичнаго большевика — насильника. Говорю это смѣло, не боясь презрительныхъ и пренебрежительныхъ насмѣшекъ, такъ какъ твердо увѣренъ, что недалеко то время, когда безпристрастная Исторія окончательно вынесетъ Петру однородный съ моимъ приговоръ. Несомнѣнно, что Петръ былъ то, что называется «молодчина», но государственнаго въ немъ не было ничего. Отъ его дѣятельности остались кое гдѣ ссобственоручно имъ посаженныя деревья виноградные кусты, собственными руками сдѣланная лодка, палка, которой «геніальный» государь находилъ полезнымъ бить своего перваго министра изъ разносчиковъ, и больше ничего.

Даже великимъ полководцемъ Петръ не былъ, такъ какъ не болѣе и не менѣе, какъ 21 годъ, воевалъ съ безтолковымъ Карломъ 12-мъ, чтобы отвоевать у него двѣ провинціи. Отъ государственной дѣятельности Петра не осталось и слѣда или ненужный баластъ, отъ котораго долго не знали, какъ отдѣлаться. Возьмемъ хотя бы нашъ центральный правительственный механизмъ. Ключевскій блестяще доказалъ образцовое съ точки зрѣнія цѣлесообразности устройство нашихъ центральныхъ допетровскихъ приказовъ. Въ нихъ было много несообразностей, не было строго выдержанной системы въ смыслѣ распредѣленія дѣлъ, главнымъ образомъ благодаря постепеннымъ историческимъ наслоеніямъ, наслоеніямъ, которыми народы, несомнѣнно, культурные, напримѣръ, англичане, у себя, изъ приверженности къ родной старинѣ, дорожатъ, какъ зеницей ока. Но въ нашихъ приказахъ была самобытность и, что важнѣе, въ нихъ культурно-отсталые русскіе собственнымъ умомъ и опытомъ дошли до принципа, до котораго даже нѣкоторые болѣе культурные, чѣмъ мы, народы додумались позже насъ — принципа единоличной власти въ постановкѣ и организаціи центральныхъ исполнительныхъ правительственныхъ органовъ, принципа единоличной министерской власти, нынѣ ставшаго незыблемой политической и правительственной аксіомой во всемъ цивилизованномъ мірѣ. И вотъ это начало самобытно нами выработанное и искусно проведенное въ жизнь въ приказной системѣ центральныхъ правительственныхъ учрежденій, близорукій недоучка Петръ, ничтоже сумняшеся, рушитъ и замѣняетъ заимствованнымъ изъ Швеціи коллегіальнымъ устройствомъ. Это устройство вплоть до Александра I-го или не клеится или не соблюдается, съ тѣмъ чтобы при Благословенномъ быть замѣненнымъ

министерствами, по существу ничѣмъ не отлтичающимися отъ сто лѣтъ передъ этимъ охаянныхъ и разрушенныхъ допетровскихъ приказовъ. Зато какъ при Петрѣ, такъ и поневолѣ при Александрѣ I-мъ русскій народъ оказывается въ незаслуженномъ положеніи все заимствующаго извнѣ, не способнаго ни къ какой самобытной творческой дѣятельности какъ въ области своей общественности, такъ и государственности.

«Mais revenons a nos moutons!» — къ нашимъ бѣднымъ боярамъ. Я уже отмѣтилъ ихъ безграничную преданность Государю, ихъ готовность безропотно и безпрекословно жертвовать для него всѣмъ, не исключая жизни. Нужно ли говорить о томъ, что роль боярства въ Московской Руси не ограничивалась одной лишь пассивной его преданностью Государю.

Я назвалъ центральный правительственный механизмъ Допетровской Руси весьма совершеннымъ для той отдаленной эпохи. Едвали нужно пояснять, что механизмъ этотъ былъ созданіемъ тогдашняго правящаго класса, т. е. боярства. Какъ извѣстно, боярство въ дѣлѣ тогдашняго государственнаго строительства играло роль весьма цѣннаго не только правительственнаго, но и законодательнаго фактора. Боярство, въ силу прочно вкоренившагося обычая, въ лицѣ Боярской Думы являлось въ ту пору не въ силу закона, а, что гораздо цѣннѣе, фактически, благодаря своему моральному авторитету, ограничивающимъ самовластіе Царя конституціоннымъ элементомъ.

Насколько цѣннымъ факторомъ для постепеннаго нормальнаго развитія нашей государственности являлось наше боярство, можно судить изъ слѣдующаго. Боярство не являлось соперничающей, часто враждебной Государю силой, какъ аристократія на Западѣ, въ своей дѣятельности оно было проникнуто безграничною преданностью Государю. Наконецъ, этотъ общественный классъ, какъ это видно изъ тогдашняго законодательнаго и административнаго строя, обладалъ широкимъ запасомъ политической мудрости и опыта.

И вотъ эта столь цѣнная для бѣдной руководительскими силами Россіи аристократія при Іоаннѣ Грозномъ была почти уничтожена: унижена, втоптана въ грязь, и въ большинствѣ своихъ представителей попросту перебита, т. е. казнена. Такъ неудачно кончилась у насъ первая попытка нашего общества создать классъ «пригодный къ управленію»!

VI.

Но жизнь идетъ своимъ чередомъ и на мѣсто боярства постепенно выдвигается въ роли правительственнаго класса наше дворянство, наши землевладѣльцы — помѣщики въ своей массѣ. Этотъ общественный классъ въ смыслѣ аристократичности ничего не имѣетъ общаго съ боярствомъ и за все время своего существованія игралъ у насъ роль умѣренной зажиточной буржуазіи. Какъ общій ходъ русской общественной и государственной жизни, такъ и ростъ и развитіе этого общественнаго класса были болѣзненны и ненормальны. Наиболѣе тяжкіе удары были нанесены ему Царемъ-Преобразователемъ и Царемъ-Освободителемъ.

Сейчасъ едвали кто-нибудь станетъ отрицать, что главнымъ недостаткомъ общественной и государственной жизни новѣйшей Россіи всегда являлась та духовная пропасть, которая существовала у насъ между высшими и низшими классами населенія. Начало этой пропасти положено неуклюжими реформами Петра. Теперь доказано, что Петровскія неосмысленныя, насильственныя, оскорблявшія національную гордость и самолюбіе реформы не дали Россіи ничего положительнаго. Онѣ, понятно, не сдѣлали изъ высшихъ русскихъ общественныхъ классовъ западно-европейцевъ, такъ же точно какъ насильственно надѣтое на русскаго французское платье, вдобавокъ, еще плохо скроенное, не можетъ сдѣлать изъ него француза, но зато эти реформы вверхъ дномъ и притомъ, если, можетъ быть, не навсегда то надолго перевернули психику нашихъ высшихъ общественныхъ классовъ. Не вступая въ неумѣстныя пространныя историко философскія разсужденія, скажу по этому поводу слѣдующее.

Чѣмъ самобытнѣй протекаетъ жизнь народа, тѣмъ прочнѣй и обезпеченнѣй отъ всякихъ пагубныхъ потрясеній его національный и государственный организмъ. Въ психикѣ народовъ, какъ и отдѣльныхъ личностей, есть свои ярко-опредѣленныя особенности, которыя важно знать и понимать и съ которыми необходимо считаться. Особенно рѣзко проявляются и упорно держатся эти особенности въ жизни простонародныхъ массъ, духовная близость къ которымъ руководящихъ общественныхъ классовъ есть conditio sine qua non успѣшности ихъ руководительской дѣятельности. Всякій народъ эволюціонируетъ и долженъ эволюціонировать въ своихъ чувствахъ и понятіяхъ, но чтобы быть приноровленной къ его жизненнымъ требованіямъ и запросамъ и, слѣдовательно, цѣлесообразной и плодотворной, эта эволюція должна быть послѣдовательной и постепен-

ной и, что еще важнѣе, она должна быть согласованной и одновременной какъ въ высшихъ, такъ и въ низшихъ общественныхъ классахъ даннаго народа (понятно, съ соблюденіемъ той второстепенной разницы въ подробностяхъ, которая вызывается несходствомъ имущественнаго положенія, умственнаго развитія и т. под.). Тамъ, гдѣ нѣтъ этой послѣдовательности, а главное, согласованности, теряется точка духовнаго соприкосновенія между высшими и низшими общественными классами, утрачивается взаимное ими другъ друга пониманіе, исчезаетъ всякая духовная между ними общность и сродство, а слѣдовательно, весьма естественно, чрезвычайно затрудняется, вплоть до полной ея утраты, возможность культурнаго вліянія и воздѣйствія высшихъ классовъ на низшіе.

Старые или, вѣрнѣе, родные порядки, старые навыки и обычаи, даже старые предразсудки въ томъ отношеніи цѣнны, что они показываютъ, что присуще именно данному народу, что именно ему свойственно, а, слѣдовательно, именно для него и пригодно, и потому-то и нужно умѣть относиться къ нимъ бережно. Огульное подражаніе чужеземному по большей части ведетъ къ усвоенію даннымъ народомъ значительной доли не только для него «чужеземнаго», но и «чуждаго», ему несвойственнаго, а если такъ, то не только для него безполезно, но даже и вредно. Если это чужеземное въ чемъ-нибудь лучше, блестящѣй, показнѣй своего родного (что не всегда значитъ, что для народа заимствующаго оно болѣе умѣстно), государственному дѣятелю особенно легко поддаться соблазну и увлеченіямъ, и вотъ въ этомъ отношеніи консерватизмъ, традиціонность, привязанность къ старому — великая страховка и гарантія отъ пагубныхъ непоправимыхъ въ связи съ новшествами ошибокъ, ошибокъ, часто потрясающихъ и колеблющихъ самыя основы, цѣнныя и характерныя особенности народнаго духа.

Взгляните на современныхъ образованныхъ англичанъ, нѣмцевъ, даже на разрушителей — французовъ! Какая тѣсняя связь у нихъ съ своимъ прошлымъ. Русскіе образованные классы, послѣ и благодаря реформамъ Петра, въ культурномъ отношеніи оказались какъ бы обезличенными, въ отношеніи своего духовнаго прошлаго очутились въ своеобразномъ положеніи какъ бы «непомнящихъ родства» и это послѣ того, какъ дотолѣ не было класса, болѣе привязаннаго къ своимъ національнымъ привычкамъ, прошлому и особенностямъ, чѣмъ высшій классъ Допетровской Руси. Все это тѣмъ болѣе для насъ, русскихъ, печально, что нынѣ безпристрастная Исторія рисуетъ намъ совсѣмъ иную, правдивую картину нашего очень долго неоцѣненнаго по заслугамъ Допетровскаго прошлаго. Какъ нѣкое

ископаемое, возстанавливаемый историками соціальный и государственный строй Допетровской Руси поражаетъ изслѣдователя своей цѣлесообразностью и относительнымъ совершенствомъ. Но для поколѣній, слѣдовавшихъ за Петромъ, русское прошлое оказалось своего рода tabula rasa. Со времени Петра русскій образованный человѣкъ похѣрилъ и потерялъ свое прошлое. Оказалось, что онъ можетъ жить только заимствованіями. Съ тѣхъ поръ русскіе высшіе общественные классы очутились въ роли то попугая внѣшнихъ выраженій французской жизни, то обезъяны наружныхъ формъ нѣмецкой. Какъ это отразилось на ихъ духовномъ обликѣ, на ихъ житейскихъ и бытовыхъ привычкахъ, на ихъ привязанности и отношеніи къ русской захолустной деревнѣ, понять не трудно.

Каждый изъ насъ въ достаточной степени исторически начитанъ, чтобы рельефно представить себѣ образъ француза или нѣмца сперва 17-го, а затѣмъ 18-го столѣтія. Тутъ можетъ итти рѣчь о разницѣ въ оттѣнкахъ. Зато попробуйте сравнить духовный и внѣшній обликъ русскаго высшаго общественнаго класса 17-го и 18-го столѣтія. Въ нихъ нѣтъ и тѣни сходства. Можно думать, что это люди съ двухъ разныхъ планетъ. Никакого слѣда какой бы то ни было связи съ своимъ прошлымъ, никакой преемственности, а слѣдовательно, и полное отсутствіе какого бы то ни было устойчиваго умственнаго и нравственнаго фундамента, какихъ либо прочныхъ умственныхъ и нравственныхъ устоевъ. Не значитъ ли это, говоря иносказательнымъ языкомъ, что, какъ сказано въ Евангеліи, «домъ построенъ на пескѣ», а послѣдствія этого, какъ сказано въ томъ же Евангеліи — «и подули вѣтры и разлились рѣки и домъ тотъ не устоялъ, потому что былъ построенъ на пескѣ».

Всякому, я думаю, ясна моя мысль, хотя она выражена нѣсколько схематически — рѣзко. Благодаря непродуманнымъ грубымъ насильническимъ, чисто большевицкимъ преобразованіямъ Петра, русскій высшій общественный классъ, дворянство, утратилъ тотъ необходимый духовный баластъ, который для всякаго народа представляетъ въ его жизни его національное культурное прошлое. Употребляя фигуральное выраженіе, называемое въ реторикѣ парономасіей, можно сказать, что преобразованія Петра не «преобразили», а «обезобразили» духовный «образъ» русскаго человѣка.

Я долженъ оговориться, что жизнь понемногу стушевала и сгладила крайности Петровскихъ реформъ. Вторая половина 18-го столѣтія, въ особенности Вѣкъ Екатерины, — эпоха особеннаго сближенія помѣщика съ народомъ въ связи съ кристализаціей крѣпостного права и осѣданіемъ помѣщиковъ на землѣ. Болѣе близкое зна-

комство съ деревней и ея бытомъ имѣло на огромное большинство нашихъ помѣщиковъ крайне благотворное вліяніе въ смыслѣ укрѣпленія болѣе трезваго и разумнаго взгляда на нужды и запросы деревни. Но то, что я сказалъ про безпочвенность, оторванность отъ русскаго культурнаго прошлаго соціально-политической мысли, соціально-политическаго мышленія новой послѣпетровской Россіи, навсегда сохранилось въ нашей жизни въ качествѣ крайне вредной идейной закваски, въ особенности среди мыслящей передовой, такъ называемой «лучшей» части нашего общества. Этой идейной закваскѣ суждено было сыграть чреватую по своимъ послѣдствіямъ роль въ нашей новѣйшей соціально-политической жизни.

VII.

Дѣло въ томъ, что расцвѣтъ нашей послѣпетровской общественности, вѣкъ Екатерины и Александра Перваго, совпалъ съ расцвѣтомъ на Западѣ Европы такъ называемыхъ либеральныхъ или освободительныхъ идей. Выражаясь схематически, эти идеи (въ своемъ постепенномъ ростѣ и развитіи) требовали: въ области соціальной жизни — освобожденія народныхъ массъ отъ тѣхъ путъ, отъ той опеки, которыя до тѣхъ поръ надъ ними тяготѣли (крѣпостное право и т. под.), въ области политической жизни — широкаго привлеченія народа, сперва буржуазіи, а потомъ и широкихъ нардныхъ массъ къ дѣлу законодательства и управленія (суверенитетъ народа, всеобщее избирательное право и т. под.), наконецъ, въ области умственной жизни и пользованія благами духовной культуры либерализмъ добивался (правда, позднѣе, лишь въ 19-омъ столѣтіи) широкаго допущенія народа къ сокровищницѣ умственной и духовной культуры (всеобщее обученіе и т. под.). Рѣзкій толчекъ дала и особенно воинственный задоръ сообщила большинству этихъ идей Французская Революція 1789 года. Но родила эти идеи не Французская Революція, а жизнь Запада, ея реальныя, практическія требованія. Ихъ подготовила, исподволь подготовила та длительная суровая школа соціально-политической зависимости и культурной опеки, черезъ которую къ тому времени уже успѣли пройти народныя массы Запада и которую, насколько позволяли размѣры этого краткаго очерка, я, кажется, достаточно рельефно изобразилъ.

Съ другой стороны, и образованные, состоятельные общественные классы на Западѣ, тамошняя буржуазія (нѣмецкая бюргершафтъ) своей культурностью, своими солидными традиціями, своей

прочной связью со своимъ историческимъ прошлымъ, своей зажиточностью вполнѣ были подготовлены къ участію въ дѣлѣ государственнаго строительства, участію, котораго они и добились у себя постепенно.

Къ концу 18-го столѣтія мужикъ на Западѣ уже вездѣ былъ собственникомъ, крѣпко и глубоко проникнутымъ началами права и порядка. Удивительно ли ,что на Западѣ (въ Германіи) крѣпостное право окончательно исчезло къ 30-мъ годамъ 19-го столѣтія.

Франція, имѣвшая дѣло въ концѣ 18-го столѣтія съ крестьяниномъ, давнишнимъ собственникомъ и богатѣемъ, могла ставить вопросъ о «суверенитетѣ народа» и то этотъ суверенитетъ фактически претворился тамъ въ дѣйствительность лишь послѣ ста лѣтъ пертурбацій, лишь во время 3-ьей Республики.*)

Вообще, политическое ученіе о народномъ суверенитетѣ и связанное съ нимъ требованіе всеобщаго избирательнаго права можетъ быть, какъ всякое политическое ученіе, и обоснованнымъ и нелѣпымъ. Гдѣ народъ культуренъ, этотъ суверенитетъ — настоятельная необходимость и житейская дѣйствительность, гдѣ народъ, какъ у насъ, не отличаетъ своего отъ чужого, суверенитетъ народа — пустая фраза, нелѣпая болтовня, покушеніе съ негодными средствами или, что еще хуже, политическій обманъ.

Прійдя въ соприкосновеніе съ западно-европейской соціально-политической идейностью, русскіе мыслящіе люди, пріученные Петровской школой къ слѣпому неосмысленному подражанію и поклоненію всему западно-европейскому, не находя противовѣса и сдерживающаго начала своимъ увлеченіямъ въ какихъ либо историческихъ традиціяхъ и связяхъ со своимъ прошлымъ, русскіе мыслящіе люди болѣе страстно и сильно, страстнѣе и сильнѣе, чѣмъ даже либеральные представители мыслящаго Запада, подпали подъ обаяніе Западно-Европейской либеральной соціально-политической идейности. Это было бы еще, какъ говорится, съ полъ бѣды. Бѣда въ томъ, что русскіе мыслящіе люди, вслѣдствіе своей культурной незрѣлости и неподготовленности, вслѣдствіе своей неспособности къ осмысленному критическому воспріятію чуждыхъ имъ, новыхъ для нихъ соціально-политическихъ идей, для успѣха и плодотворнаго примѣненія которыхъ соціально-политическая почва у насъ еще не была надлежащимъ образомъ подготовлена, русскіе мыслящіе

*) Кто хочетъ подробнѣй ознакомиться съ высокимъ культурнымъ уровнемъ и зажиточностью дореволюціоннаго французскаго крестьянина, пусть прочтетъ добросовѣстныя и подобныя изслѣдованія по этому вопросу французскаго историка Бабо (Babeau).

люди поняли эти идеи превратно, не уразумѣли ихъ истиннаго смысла и значенія, главнымъ образомъ смѣшали въ области политики и соціологіи слѣдствія соціально-политическихъ событій и явленій и ихъ причины.

Особенно рельефно эта русская соціально-политическая, я сказалъ бы, «неразбериха» сказалась въ такихъ вопросахъ, какъ вопросъ объ эмансипаціи крестьянъ и конституціонномъ образѣ правленія. Согласно съ широко у насъ распространившимися и постепенно прочно укоренившимися взглядами, народныя массы на Западѣ были освобождены отъ крѣпостной зависимости и постепенно привлечены къ дѣлу государственнаго строительства не потому, что въ связи съ пройденной ими суровой соціальной школой и вполнѣ завершенной земельной эволюціей, воспитавшей въ нихъ земледѣльцевъ-собственниковъ, стали культурны. Нѣтъ, «передовые» люди предреволюціонной Россіи усвоили себѣ взглядъ, взглядъ, ставшій у нихъ въ высшей степени прочнымъ, можно сказать, непоколебимымъ, что на Западѣ народныя массы стали культурны, именно вслѣдствіе освобожденія ихъ отъ крѣпостной зависимости и введенія конституціоннаго образа правленія. Такая превратная точка зрѣнія отчасти объясняется тѣмъ, что до самаго послѣдняго времени у насъ никто не былъ знакомъ съ исторіей земельнаго вопроса и крѣпостного права на Западѣ.

Есть одинъ вопросъ, второстепеннаго (въ особенности сейчасъ, послѣ всего нами пережитаго) значенія, но чрезвычайно характерный для психики предреволюціонной мыслящей «интеллигентной» Россіи. Это вопросъ о широкомъ насажденіи у насъ народной школы и всеобщемъ начальномъ обученіи. Лично я (оставляя въ сторонѣ ложную скромность) могу похвалиться тѣмъ, что мнѣ въ моей рѣчи, произнесенной въ Общемъ Собраніи Государственной Думы отъ 20 мая 1914 г., удалось весьма ральефно и убѣдительно выяснить всю несостоятельность взгляда нашей интеллигентской мысли по этому вопросу. Мнѣ удалось доказать, что начальная народная школа на Западѣ (широко распространившаяся въ Германіи въ первой половинѣ 19-го столѣтія, а въ Англіи и Франціи только съ 1865 года) явилась тамъ не причиной и источникомъ культурности крестьянина, какъ въ этомъ были убѣждены наши ревнители народнаго просвѣщенія, а естественнымъ слѣдствіемъ успѣховъ, достигнутыхъ западно-европейскимъ крестьяниномъ въ области экономической, иначе говоря, земледѣльческой жизни, успѣховъ, изощрившихъ его умъ, укрѣпившихъ въ его душѣ нравствено-правовые устои и культурное правовое сознаніе, успѣховъ, поднявшихъ его матеріальное

благополучіе и въ связи съ этимъ расширившихъ его потребности, въ томъ числѣ и духовныя.

У насъ, русскихъ, прежде было въ ходу крылатое, но, увы! совсѣмъ не обоснованное словечко: «что нѣмцу смерть, то русскому здорово». Перефразируя этотъ афоризмъ, я сказалъ бы, что, къ сожалѣнію, въ нашей соціально-политической жизни въ области идей то, что «для западно-европейца здорово, для насъ, русскихъ (вслѣдствіе нашей культурной неподготовленности) оказалось смертью.»

Непониманіе русскими мыслящими людьми истиннаго положенія вещей у себя на родинѣ въ связи съ превратнымъ, вслѣдствіе недостаточной культурной зрѣлости, толкованіемъ западно-европейской культурной эволюціи имѣли для русской соціально-политической жизни самыя печальныя послѣдствія. Русская соціально-политическая мысль, прійдя очень поздно въ соприкосновеніе съ западно-европейскій соціально-политической мыслью, въ эпоху весьма высокаго развитія и напряженія западно-европейской культуры, русская соціально-политическая мысль, говорю я, совсѣмъ не считалась, вслѣдствіе непониманія положенія вещей и у себя дома и на Западѣ, съ особенностями русскаго прошлаго, съ тѣмъ обстоятельствомъ, что нами еще не было пройдено цѣлаго ряда послѣдовательныхъ этаповъ западно-европейской культурной эволюціи. Вслѣдствіе этого, русская соціально-политическая мысль сразу поставила цѣлью своихъ заданій и достиженій то, что на Западѣ уже было подготовлено тамошней жизнью и прошлымъ, у насъ же, казалось бы, должно было бы являться лишь мечтою отдаленнаго будущаго. Нежизненность русскихъ соціально-политическихъ заданій, ихъ несоотвѣтствіе обшему строю и характеру русскаго соціально-политическаго быта очень скоро придали всему русскому либеральному, освободительному движенію яркій характеръ революціонности. Впервые эта революціонность ярко сказалась ровно сто лѣтъ тому назадъ, опять таки какъ непосредственное слѣдствіе болѣе близкаго соприкосновенія съ западно-европейской идейностью. Первая вспышка русской идейной революціонности произошла подъ лозунгомъ политическихъ реформъ.

Я разумѣю декабрьскій бунтъ 1825 года. Кучка «мыслящихъ» русскихъ людей, побывавъ въ 1814-мъ году вмѣстѣ съ нашими войсками во Франціи, приписала благополучіе Франціи проведенію тамъ въ жизнь либеральныхъ идей и попыталась вырвать у Государя конституцію, которой, кстати, во Франціи до 1815-го года не было.

VIII.

«Кабы зналъ, гдѣ упадешь, непремѣнно соломки подложилъ бы», говоритъ пословица. Я думаю, что если бы въ 1825-мъ году Николай 1-й привлекъ дворянство къ участію въ дѣлѣ законодательства, этотъ шагъ могъ бы имѣть хорошія послѣдствія. Революціонное движеніе было бы въ корнѣ пресѣчено, такъ какъ либеральные дворяне, ближе познакомившись съ дѣломъ государственнаго строительства, въ значительной степени образумились бы, тѣмъ болѣе что объ освобожденіи крестьянъ тогда еще говорили мало.

Но вѣдь «Кабы во рту росли бобы, то былъ бы не ротъ, а огородъ», опять таки говоритъ пословица. Можно ли было ожидать отъ русскаго Царя да еще Николая 1-го, на которомъ въ то время еще сосредоточивалась величайшая въ мірѣ благоговѣйная народная преданность, чтобы онъ подѣлился властью съ дворянствомъ, подавляющее большинство котораго, вдобавокъ, въ ту пору не только этого не требовало, но даже и не желало. Понятно, что революціонная дворянская вспышка была подавлена и сурово наказана.

Но Русская Революція тогда получила первое свое боевое крещеніе. Были жертвы, было мученичество, было самопожертвованіе ради идеи. Впервые вспыхнуло пламя русскаго политическаго идеализма, этой, какъ показали событія, безудержной, не признающей препятствій силы. Пламени этому суждено было въ теченіе не болѣе столѣтія обратить Россію въ одинъ сплошной костеръ.

Царствованіе Николая Павловича дало революціонному движенію въ Россіи новыя боевыя силы — нашу интеллигенцію. Начало этому общественному классу положилъ Александръ I-й своимъ широкимъ (понятно, широкимъ для тогдашней Россіи) насажденіемъ средняго и высшаго школьнаго образованія.

Въ своей массѣ этотъ классъ, составленный преимущественно изъ разночинцевъ, отличался тѣмъ, что въ основѣ его психики главнымъ культурнымъ элементомъ была книга, школа, отвлеченная мысль со всей русской оторванностью отъ жизни, предвзятостью, близорукостью, еще разъ скажу, «завиральностью».

Я уже указывалъ, въ какой степени нездоровое культурно-историческое прошлое нашего дворянства, отсутствіе въ его житейско-культурномъ обиходѣ традицій прошлаго и преемственности способствовало незрѣлости и непродуманности русской политической мысли. Но все же у нашихъ либеральныхъ дворянъ въ ихъ соціально-политическихъ увлеченіяхъ отрезвляющую роль играли имуще-

ственно-бытовыя ихъ отношенія съ народомъ, деревня съ ея бьющей въ глаза дѣйствительностью. Интеллигентамъ въ огромной ихъ массѣ были чужды эти сдерживающія начала и потому вполнѣ понятно, что въ ихъ умахъ революціонное теченіе мысли приняло болѣе крайнее и рѣзкое направленіе. Тенденціозность, непровѣренность и въ связи съ этимъ фанатичность русскаго спеціально-интеллигентскаго мышленія, я думаю, хорошо извѣстны всякому русскому, читающему эти строки.

Основной чертой дальнѣйшаго революціоннаго движенія въ Россіи является ростъ «интеллигентской» идейности, ея возобладаніе и постепенное подчиненіе себѣ, своему, если такъ можно выразиться, престижу, болѣе умѣренной либеральной дворянской идейности. Вотъ какъ это произошло.

Крутая расправа съ декабристами въ значительной степени ослабила, но не могла вполнѣ заглушить начавшагося либеральнаго броженія въ «передовой» части русскаго дворянства. Кучка либеральныхъ дворянъ въ душѣ своей не отказалась отъ своихъ конституціонныхъ вожделѣній, но въ связи съ суровостью абсолютистскаго режима Императора Николая I-го вынуждена была на время припрятать ихъ подъ спудъ. Зато либеральными дворянами былъ болѣе настойчиво и опредѣленно выдвинутъ другой вопросъ, вопросъ соціально-экономическій, объ эмансипаціи крѣпостныхъ крестьянъ. Подъ ихъ вліяніемъ даже правительство Николая I-го занялось обсужденіемъ этого вопроса въ разныхъ секретныхъ комитетахъ, не разъ собиравшихся, но не давшихъ, какъ извѣстно, никакихъ положительныхъ результатовъ. Тѣмъ временемъ и безпочвенная русская интеллигенція, о которой я говорилъ выше, это дѣтище школьныхъ реформъ Александра I-го, крайнее крыло русской либеральной партіи, численно возрастала.

Какъ я уже говорилъ, все это соціально-политическое движеніе, въ силу особенностей безпочвеннаго міровоззрѣнія русскихъ образованныхъ классовъ, отличалось, съ одной стороны, полнымъ непониманіемъ дѣйствительныхъ запросовъ русской деревни, а съ другой, полнымъ незнакомствомъ съ прошлымъ народныхъ массъ на Западѣ. Такъ напримѣръ, невѣжественность русскаго «образованнаго» общества, его неосвѣдомленность въ вопросѣ крестьянскомъ и земельномъ была всегда настолько велика, что у насъ до созыва Государственной Думы въ обществѣ держалось убѣжденіе, что «спасительный» институтъ земельной общины, какъ окрестили его наши шестидесятники, — оригинальная особенность русской жизни и нигдѣ на Западѣ не существовалъ. Когда во 2-ой Государственной Думѣ

въ рѣчи по земельному вопросу, произнесенной въ Общемъ Собраніи Государственной Думы 19-го марта 1907 г., я обстоятельно коснулся исторіи эволюціи крестьянскаго землепользованія на Западѣ, въ особенности общиннаго, эволюціи, приведшей западно-европейскаго крестьянина къ его теперешнему высокому культурно-правовому уровню, оказалось, что избранники русской земли никогда ничего объ этомъ не слышали.

Все это только что мною охарактеризованное русское соціально-политическое «освободительное» движеніе, въ связи съ сочетаніемъ русскихъ общественныхъ силъ, къ моменту вступленія на престолъ Александра II-го не представляло изъ себя никакой реальной силы. Россія въ то время представляла изъ себя весьма прочно скроенный общественный оргнизмъ. Крестьянскія массы, какъ и теперь некультурныя, но въ то время патріархальныя и безгранично преданныя своему Государю, нисколько не тяготились своимъ подчиненіемъ помѣщику, власть котораго надъ ними была столь же естественна, какъ господство кривого въ царствѣ слѣпыхъ. Какъ въ 12-мъ году крестьяне равнодушно отнеслись къ посуламъ свободы со стороны Наполеона, такъ и въ 61-мъ году они встрѣтили вѣсть объ освобожденіи съ недоумѣніемъ.

Русское дворянство, въ свое время сбитое съ толку, взбудораженное, можно сказать, духовно отравленное насильническими преобразованіями Петра, за истекшія съ тѣхъ поръ почти полтора столѣтія въ значительномъ своемъ большинствѣ успѣло основательно перебродить, прійти въ себя, успѣло переварить въ себѣ и своеобразно, но не безъ пользы усвоить нѣкоторые элементы западно-европейской культуры, въ особенности въ области моральнаго кодекса и понятій о чести. Въ связи съ ростомъ и развитіемъ крѣпостного права наше дворянство болѣе прочно осѣло на землѣ и сблизилось, какъ еще никогда, съ крестьяниномъ. Я пишу здѣсь не для лицъ, которыя несмотря на все происшедшее, попрежнему способны плясать лишь отъ печки интеллигентской предвзятости и завиральности, да и размѣры этого очерка мнѣ этого не позволяютъ, а потому не стану доказывать того, что мнѣ уже не разъ приходилось убѣдительно обосновывать какъ въ моихъ печатныхъ статьяхъ, такъ и публичныхъ рѣчахъ, а именно, что русское крѣпостное право представляло изъ себя максимумъ мягкости и патріархальности, какія вообще совмѣстимы съ подобнаго рода институтомъ. Нечего и говорить, что подавляющее большинство дворянства при вступленіи на престолъ Александра II-го было противъ освобожденія крестьянъ.

Итакъ, вотъ каково было у насъ сочетаніе общественныхъ силъ

къ моменту освобожденія крестьянъ. Крестьянство, столько же думающее объ освобожденіи, какъ о прошлогодномъ снѣгѣ. Дворянство, въ огромномъ своемъ большинствѣ опредѣленно настроеннное противъ освобожденія. Наконецъ, шумливая, но малочисленная кучка дворянъ-аболиціонистовъ и интеллигентовъ, кучка безъ серьезнаго соціальнаго и политическаго вѣса и значенія.

Къ тому же, въ ту пору, въ расцвѣтѣ русскаго просвѣщеннаго абсолютизма, и дворянство и даже подавляющее большинство интеллигенціи были глубоко преданны Государю и покорны его волѣ. Только благодаря этимъ чувствамъ дворянства и смогла пройти крестьянская освободительная реформа столь легко и безпрепятственно.

Мнѣ кажется, русскіе никогда достаточно надо всѣмъ этимъ не задумывались. При отсутствіи соотвѣтственныхъ запросовъ и требованій со стороны крестьянъ, при явно неодобрительномъ отношеніи дворянъ, Царемъ-Самодержцемъ проводится, какъ уже для многихъ теперь ясно,-явно вредная для интересовъ Россіи катастрофическая реформа, перевернувшая Россію вверхъ дномъ, источникъ всѣхъ нынѣ происходящихъ смутъ. И дѣлается это вслѣдствіе того, что Царь внялъ кучкѣ либераловъ, раздѣлилъ ихъ взгляды, усвоилъ ихъ полу-культурное интеллигентское мышленіе.

Развѣ это не большевизмъ, по своимъ насильническимъ пріемамъ ни въ въ чемъ не уступающій Ленинскому? Психопатъ Іоаннъ Грозный уничтожилъ русское боярство, извергъ Петръ Первый надолго замутилъ душу еще только соціально-политически возникавшаго и слагавшагося русскаго дворянства, благородный, но тщеславный и умственно ограниченный Александръ II-ой однимъ взмахомъ пера погубилъ уже было сложившееся въ довольно культурный общественный класъ, «пригодный къ управленію», дворянство и тѣмъ же ударомъ надолго скомпрометировалъ нормальное развитіе русскаго крестьянства, поставивиъ его, въ силу его безпризорности въ положеніе своего рода «res nullius», въ положеніе легкой добычи перваго встрѣчнаго смѣльчака.

IX.

Какимъ образомъ произошло дальнѣйшее соціальное и политическое, а вмѣстѣ съ тѣмъ и умственное и нравственное разложеніе нашего землевладѣльческаго и земледѣльческаго класса, доведшее Россію до ея теперешняго положенія, я сейчасъ кратко изложу.

Итакъ, несомнѣнно, что въ силу условій нашего географическаго

положенія и историческаго прошлаго, а, вѣроятно, также въ связи съ особенностями, тоже, можетъ быть, исторически выработавшагося нашего національнаго характера, самымъ крупнымъ, можно сказать, исключительнымъ по своему престижу и авторитету факторомъ нашей общественности и государственности всегда являлась у насъ монархическая власть. Въ нашемъ историческомъ прошломъ она не знала и не встрѣчала себѣ противовѣса ни въ какомъ иномъ факторѣ нашей общественности и государственности: до самаго послѣдняго времени отовсюду и со всѣхъ сторонъ она видѣла лишь благоговѣйное преклоненіе и безпрекословное подчиненіе.

Наоборотъ, мы видѣли, что, опять таки въ силу особенностей нашего географическаго положенія и историческаго прошлаго, нашъ высшій общественный классъ, тотъ «классъ, пригодный къ управленію, который», по словамъ Ключевскаго, «такъ трудно создать народу», никогда не пользовался большимъ вѣсомъ ни въ нашей общественности ни въ государственности. Благодаря произведеннымъ надъ нимъ нѣкоторыми нашими государями насильническимъ соціальнымъ экспериментамъ, общественный этотъ классъ въ значительной степени утратилъ свое нравственное и умственное равновѣсіе, свою умственную и нравственную устойчивость, и безъ того у народовъ увлекающихся и впечатлительныхъ, каковы русскіе, не очень прочную, а потому при соприкосновеніи съ культурой Запада, соприкосновеніи позднемъ и порывистомъ, легко сталъ добычей тамошнихъ прогрессивныхъ, тамъ по большей части своевременныхъ, соціально-политическихъ ученій, ученій, вдобавокъ, въ силу нашей культурной отсталости и неподготовленности, плохо у насъ понятыхъ, превратно истолкованныхъ, недостаточно переваренныхъ.

Всѣ эти аномаліи, всѣ эти предвзятости въ психикѣ, въ соціально-политическомъ міровоззрѣніи русскаго мыслящаго человѣка не имѣли до эпохи «великихъ реформъ» Александра II-го большой практической важности. Онѣ скользили, какъ мелкая зыбь по океану, по огромной массѣ русскаго дворянства, занятаго дѣломъ и чуждаго всякихъ умственныхъ отвлеченностей.

Но въ небольшой группѣ дворянъ «передового» лагеря, а въ особенности въ группѣ интеллигентовъ, ко времени той же эпохи, это теченіе русской соціально-политической мысли, вдобавокъ, скрѣпленное жертвами 1825-го и 1848-го годовъ, успѣло пріобрѣсти тѣмъ болѣе стойкій и упорный характеръ не столько политическаго ученія, сколько вѣрованія, чѣмъ менѣе ученіе это было провѣрено и близко реальной дѣйствительности.

И вотъ трагизмъ положенія, его безвыходность въ 1861-мъ году

состояли въ томъ, что единственный дѣйствительно активный факторъ русской государственной жизни — государь — воспринялъ и усвоилъ соціально-политическое міровоззрѣніе тогда еще немногочисленнаго русскаго «интеллигента» и, пользуясь своимъ тогда еще безграничнымъ нравственнымъ авторитетомъ, при почтительномъ, не выходившемъ изъ границъ вѣрноподданической преданности, протестѣ огромнаго большинства русскаго дворянства, при полномъ недоумѣніи народныхъ массъ, своими «интеллигентскими» соціальными реформами привилъ «интеллигентскій» ядъ, ядъ соціально-политическаго разложенія, всему соціально-политическому организму русскаго народа.

Въ «освободительной» дѣятельности Александра II-го сочетались два фактора: идея народной свободы, народной самодѣятельности, и, какъ проводникъ этой идеи въ жизнь, безграничная царская власть, при осуществленіи своей программы ни передъ чѣмъ не останавливающаяся, насаждающая въ странѣ свободу даже противъ воли одаряемаго ею народа. Насколько подобное сочетаніе нелѣпо и дико, я думаю, пойметъ всякій.

Но трагизмъ, безвыходность создавшагося въ 60-хъ годахъ положенія усугублялся тѣмъ, что дѣятельность Александра II-го отличалась не только близорукостью, но и однобокой односторонностью. Свободу Государь понималъ по своему. Не было такихъ еще прочныхъ и живучихъ соціальныхъ устоевъ, рамокъ или перегородокъ, которыхъ нельзя было бы разрушить и сокрушить во имя осуществленія вдохновившей Царя «великодушной» идеи, но непремѣннымъ условіемъ всѣхъ этихъ по пріемамъ чисто большеивцкихъ насильническихъ начинаній и мѣропріятій всегда должна была быть и оставаться незыблемость и неприкосновенность неограниченной монархической власти. Вотъ почему соціально и экономически былъ признанъ зрѣлымъ и для свободы и для самодѣятельности сиволапый Сидоръ, а сословіе, только что выдѣлившее изъ своей среды корифеевъ первой въ мірѣ по своему совершенству литературы, сословіе, только что явившее именно въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ невиданный ни въ какой другой странѣ примѣръ политической дисциплинированности и преданности Государю и началамъ порядка и государственности, такъ и не было, несмотря на всѣ свои протесты, допущено хотя бы въ самой скромной долѣ къ участію въ дѣлѣ государственнаго строительства и законодательства.

Преждевременное неуклюжее освобожденіе крестьянъ было въ исторіи Россіи самой крупной ошибкой. Ошибка эта стала непоправимой, вслѣдствіе близорукаго упорства Александра II-го, неза-

хотѣвшаго дать дворянству «Конституціи», на которую въ связи съ освобожденіемъ крестьянъ оно имѣло всѣ основанія и нравственное право расчитывать. И безъ того легкомысленно лишенное Государемъ не только своихъ правъ, но и священнѣйшихъ обязанностей въ отношеніе крестьянъ, грубо и рѣзко отстраненное отъ исторической своей еще не законченной въ отношеніи крестьянъ миссіи, наше дворянство именно съ той поры въ значительной своей части постепенно перешло къ систематической оппозиціи Государю и, мало по малу идейно слившись съ интеллигенціей, въ значительной мѣрѣ способствовало и подготовило Революцію, Революцію, которая смела съ русской политической арены и Государя и наши образованные классы и надолго затормозила нормальное и здоровое соціально-экономическое и политическое развитіе нашего крестьянства.

X.

Вотъ какъ все это произошло. Прежде всего замѣчу, что отъ цѣльнаго и здороваго соціально-политическаго организма Россіи эпохи Николая Павловича ко времени Революціи уже почти ничего не оставалось. Если сравнить этотъ организмъ съ деревомъ, то можно сказать, что отъ него уцѣлѣла одна лишь кора, одна внѣшняя видимость въ лицѣ Государя и послушной ему бюрократіи. Всѣ остальные элементы нашей общественности были постепенно отравлены и разложены ядомъ недовольства и привычной, ставшей систематической, оппозиціонности и революціонности.

Русская бюрократія до самаго послѣдняго времени, въ особенности на верхахъ своихъ, состояла изъ людей весьма почтенныхъ, честныхъ, дисциплинированныхъ, съ опытомъ и традиціями въ дѣлѣ управленія. Со времени эпохи «великихъ реформъ» или, вѣрнѣе, великой ломки, наша бюрократія по сравненію съ другими элементами нашей общественности мало подвергалась измѣненіямъ, а потому въ ней сохранился и уцѣлѣлъ до самаго послѣдняго времени тотъ духъ слѣпого безпрекословнаго подчиненія волѣ Государя, которымъ прежде отличались всѣ русскіе. Это свойство дѣлало нашу бюрократію, съ одной стороны, послушнымъ, весьма совершеннымъ политическимъ орудіемъ въ рукахъ Государя, но, съ другой стороны, въ связи съ присущей всѣмъ бюрократіямъ міра рутинностью, заглушало и душило въ огромномъ большинствѣ даже самыхъ лучшихъ нашихъ бюрократовъ какой бы то ни было духъ иниціативы и творчества, особенно необходимыхъ въ неизмѣнно переживае-

мыхъ, съ момента освобожденія крестьянъ, Государемъ и Россіей соціально-политическихъ трудностяхъ.

Я уже сказалъ, что со времени освобожденія крестьянъ наша бюрократія мало мѣнялась, но, понятно, она не могла оставаться неизмѣнной. Прежде всего надо замѣтить, что какъ прежде, такъ и на нашихъ уже глазахъ наша бюрократія пополнялась главнымъ образомъ представителями нашего дворянства и перемѣны въ настроеніяхъ дворянства не могли не отразиться и на нашей бюрократіи. Но все же до самаго послѣдняго времени наша бюрократія не покидала своего охранительнаго сторожевого поста политическаго бдѣнія. Только при встрѣчѣ съ нашимъ шумливымъ и неисправимо — интеллигентски — революціоннымъ народнымъ представительствомъ, нашей Государственной Думой, наша бюрократія окончательно растерялась и эта растерянность ее окончательно деморализовала и погубила. Впрочемъ, что могла она сдѣлать путнаго съ такимъ вожакомъ, какъ Николай II-й, не знавшимъ собственной своей страны, нерѣшительнымъ, безвольнымъ и въ то же время не подчинявшимся ничьему вліянію!

Что касается нашихъ Государей, то, какъ я уже сказалъ выше, съ момента освобожденія крестьянъ «ils ne savent ou donner de la tête». Особенно это примѣнимо къ Александру II-му. Царствованіе Императора Александра III-го, честнѣйшаго, преданнѣйшаго своему долгу государя, было, къ сожалѣнію, слишкомъ непродолжительно, но, главное, у Александра III-го не было опредѣленной творческой программы: вся его дѣятельность свелась къ временному удержанію на мѣстѣ бурнаго революціоннаго потока.

Теперь, я думаю, для многихъ ясно, что единственнымъ выходомъ изъ трудностей созданнаго преждевременнымъ неуклюжимъ освобожденіемъ крестьянъ положенія должно было явиться неослабное спѣшное насажденіе собственности у крестьянъ, превращеніе ихъ въ собственниковъ по примѣру Запада. У насъ спохватились и занялись этимъ дѣломъ слишкомъ поздно, лишь за 6 лѣтъ до міровой войны. У меня была книга, кажется, изданія 1911-го или 1912-го года (назавнія ея не припомню — всѣ мои книги или расхищены или уничтожены: здѣсь, въ деревнѣ, добрыми поселянами, въ Петроградѣ — большевиками) — сборникъ статей о Россіи германскихъ профессоровъ — изданіе Берлинскаго Общества для изученія Россіи. Нѣмцы умѣютъ понимать чужую жизнь и душу. Я помню, этотъ сборникъ начинался статьей берлинскаго профессора Holl'я о православіи. Она была написана съ такимъ пониманіемъ и проникновені-

емъ въ лучшія стороны православной религіи, что я, не будучи особенно религіознымъ, читая ее, проливалъ слезы умиленія.

И вотъ въ этомъ же сборникѣ была напечатана статья извѣстнаго германскаго профессора — экономиста Аугагена, посѣтившаго Россію и ознакомившагося на мѣстѣ со Столыпинской земельной реформой. Аугагенъ писалъ, что 25 лѣтъ проведенія этой реформы въ жизнь и Россіи нельзя будетъ узнать, настолько она культурно подымется. Но сперва преждевременная смерть Столыпина, а затѣмъ грянувшая міровая война не дали осуществиться земельной реформѣ (и притомъ лишь вчернѣ) хотя бы въ десятой ея долѣ.

XI.

Теперь, чтобы окончательно перейти къ отвѣту на вопросъ, почему такъ легко досталась Россія большевикамъ, почему прикарманили они ее и держатъ, какъ res nullius, какъ вещь, у которой нѣтъ хозяина, позвольте мнѣ нѣсколько подробнѣй остановиться на эволюціи со времени освобожденія крестьянъ, соціальной, умственной и нравственной, трехъ нашихъ главныхъ общественныхъ классовъ: дворянства, крестьянства и интеллигенціи.

Итакъ, русское дворянство въ огромномъ своемъ большинствѣ было недовольно и оскорблено актомъ царскаго самовластія, освободившимъ крестьянъ отъ какой бы то ни было опеки помѣщика. Въ то время едва ли могъ бы найтись среди дворянъ, противниковъ освобожденія, человѣкъ, который научно-исторически, какъ мы это дѣлаемъ теперь, могъ бы отстоять свою точку зрѣнія, но въ то время всякій дворянинъ, близко стоявшій къ жизни, не могъ не сознавать рѣзкости и преждевременности акта освобожденія.

Въ связи съ недовольствомъ дворянъ и утратой ими, благодаря освобожденію крестьянъ, естественно принадлежавшаго имъ въ силу ихъ умственнаго и нравственнаго превосходства господствующаго положенія въ деревнѣ, вполнѣ понятно, что быстро возросъ среди дворянъ успѣхъ и вліяніе партіи конституціоналистовъ. Дѣйствительно, какъ я уже сказалъ, въ связи съ освобожденіемъ крестьянъ естественно выдвигался на сцену вопросъ о конституціи, т. е. участіи высшихъ нашихъ общественныхъ классовъ въ дѣлѣ законодательства и управленія. Коль скоро нашъ сиволапый мужикъ (а такимъ не могли въ ту пору не признать его въ общей его массѣ даже самые увлекающіеся аболиціонисты) признавался достойнымъ самодѣятельности, неужели наши дворяне не заслуживали того, чтобы быть

призванными къ участію въ дѣлѣ государственнаго законодательства и строительства, которымъ до тѣхъ поръ безконтрольно вѣдалъ Государь съ кучкой бюрократовъ, тѣмъ болѣе что въ ту пору всюду на Западѣ, даже въ желѣзной Пруссіи, были введены въ жизнь конституціонныя начала!

И вотъ наше дворянство въ лицѣ цѣлаго ряда дворянскихъ обществъ открыто заговорило и запросило о конституціи. Въ этомъ ему было отказано. Это была колоссальная чреватая печальными послѣдствіями ошибка. Дарованіе Конституціи, въ особенности въ умѣренной формѣ, въ ту пору было совсѣмъ не опасно. Дворянство въ своемъ огромномъ большинствѣ въ ту пору было еще очень консервативно, глубоко преданно Государю, знало деревенскую жизнь отъ руководства которой только что было отстранено, иначе говоря, близко стояло къ практическимъ требованіямъ жизни и проникнуто было идеями порядка. Если бы въ ту пору была дарована умѣренная Конституція, у насъ, вѣроятно, послѣ небольшихъ треній наладился бы разумный, подходящій къ запросамъ русской жизни умѣренный конституціонный строй. Тренія между Государемъ и народнымъ представительствомъ, можетъ быть, были бы даже меньше чѣмъ въ тогдашней Пруссіи, гдѣ Бисмаркъ четыре года подрядъ распускалъ Палату, прежде чѣмъ дѣло народнаго представительства наладилось.

Вдобавокъ, и наша интеллигенція въ то время была бы, вѣроятно, вполнѣ удовлетворена дарованіемъ политической конституціи. Дѣло въ томъ, что, какъ извѣстно, всѣ наши соціально-политическія ученія приходятъ къ намъ съ Запада. Освободительное движеніе, подготовившее у насъ освобожденіе крестьянъ и требовавшее конституціи, шло еще подъ старымъ знаменемъ Французской Революціи 1789 года, подъ знаменемъ идей политической свободы и политическаго равенства, а не позднѣйшихъ соціальныхъ, соціалистическихъ ученій, цѣлью которыхъ было уравненіе имущественнаго положенія. Эти послѣднія идеи, идеи соціалистическія, серьезно обрисовались на Западѣ и тотчасъ же перешли къ намъ съ Запада лишь значительно позже освобожденія крестьянъ, лишь въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, въ особенности послѣ учрежденія Карломъ Марксомъ въ Лондонѣ «Интернаціональной Ассоціаціи Труда».

Итакъ, и дворянство и интеллигенція желали и требовали конституціи. Полученный ими отказъ, понятно, способствовалъ усиленію броженія въ средѣ нашихъ мыслящихъ классовъ, тѣмъ болѣе что эпоха «великихъ реформъ» въ связи съ освобожденіемъ крестьянъ выдвинула цѣлый рядъ факторовъ, способствовавшихъ непрекращав-

шемуся броженію умовъ. Изъ этихъ факторовъ особенно крупную роль сыграла освобожденная отъ прежней суровой опеки печать, школьная реформа и земство.

Роль повременной печати, руководимой нашими либералами и интеллигентами, достаточно ясна и я на ней останавливаться не буду. Еще болѣе мощнымъ факторомъ въ революціонизированіи Россіи оказалась школа. Школьная реформа Александра II-го состояла въ широкомъ распространеніи средняго и высшаго образованія, а главное, въ широкомъ къ нему привлеченіи въ силу его дешевизны и доступности дѣтей низшихъ, неимущихъ классовъ, у насъ совершенно лишенныхъ какихъ бы то ни было прочныхъ умственныхъ и нравственныхъ устоевъ, преемственной культурности и буржуазныхъ традицій, т. е. идей и принциповъ собственности и порядка.

Наша интеллигенція въ спеціальномъ смыслѣ этого слова съ этого момента благодаря школѣ стала быстро размножаться и пополняться главнымъ образомъ элементами культурно легковѣсными, безъ фундамента культурности и традицій, совершенно не способными къ трезвому мышленію, элементами, вдобавокъ, построившими свое міровоззрѣніе въ переходную эпоху особенно сильнаго умственнаго и нравственнаго общественнаго броженія.

Итакъ, наша интеллигенція въ началѣ шестидесятыхъ годовъ требовала конституціи. Ея движеніе, какъ я уже сказалъ, первоначально было чисто политическое. Только постепенно пріобрѣло оно соціальную, соціалистическую окраску, главнымъ образомъ въ семидесятыхъ годахъ. Способствовали этому, во первыхъ, рѣшительный отказъ Государя даровать Конституцію, во-вторыхъ, неуспѣхъ пропаганды революціонныхъ идей въ народѣ подъ лозунгомъ политическихъ реформъ и, въ третьихъ, и это главное, расцвѣтъ на Западѣ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ соціализма, соціалистическихъ идей, горячо подхваченныхъ нашей интеллигенціей. Такимъ образомъ отъ идеи конституціонной наша интеллигенція въ своей воинствующей части довольно скоро перешла къ идеѣ такъ называемаго «чернаго земельнаго передѣла» и т. под., но въ началѣ, въ моментъ освобожденія крестьянъ, ея pia desideria (если не считать, понятно, самой эмансипаціи) ограничивались мечтой о конституціи. Возможно что дарованіе конституціи вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ вполнѣ удовлетворило бы нашу интеллигенцію.

XII.

Но допустимъ даже, что дарованіе конституціи въ связи съ освобожденіемъ крестьянъ въ конечномъ итогѣ все же не удовлетворило бы нашу интеллигенцію, что съ возникновеніемъ соціализма на Западѣ она все равно ринулась бы въ революціонную соціалистическую пропаганду. Зато не подлежитъ сомнѣнію, что дарованіе въ ту пору конституціи вполнѣ удовлетворило бы наше дворянство, а это въ тогдашней соціально-политической жизни явилось бы огромнымъ плюсомъ, такъ какъ въ ту отдаленную пору при сравнительной малочисленности и маломъ значеніи интеллигенціи нашему дворянству, безъ сомнѣнія, легко удалось бы монополизировать въ свою пользу народное представительство. Бюрократія, возглавляемая Государемъ, въ наступившей послѣ освобожденія крестьянъ революціонной эпохѣ получила бы въ лицѣ народнаго представительства, т. е. дворянъ, надежнаго союзника и нравственный оплотъ, такъ какъ дворянство въ то время еще представляло изъ себя многочисленный, консервативный и глубоко преданный Государю общественный классъ. Вмѣсто этого наше дворянство было исскуственно натолкнуто на путь сочувствія и безсознательнаго потаканія революціонному интеллигентскому движенію.

Во-первыхъ, съ теченіемъ времени при начавшемся оскудѣніи дворянства часть его понемногу, лишаясь земли, стала пополнять ряды интеллигенціи. Во-вторыхъ, престижъ интеллигентскихъ идей съ усиленіемъ революціоннаго движенія все росъ, а наше дворянство все больше втягивалось въ гибельную привычку систематической оппозиціонности, чему немало способствовало печальной памяти учрежденіе, называемое земствомъ.

Наше дворянство конца прошлаго и начала этого столѣтія, притомъ не все, а значительная, болѣе бойкая, шумная и вліятельная его часть, короче говоря, та часть, которая подъ конецъ въ лицѣ октябристовъ и т. под. «faisait la pluie et le beau temps» въ Государственной Думѣ, понятно, не дѣлала Революціи (ее дѣлали интеллигенты въ ковычкахъ и крайнее ихъ крыло — революціонеры съ бомбами), но наши недовольные, оппозиціонные дворяне заигрывали, подыгривали Революціи, рубили сукъ, на которомъ сидѣли и все это дѣлали потому, что со времени освобожденія крестьянъ, вслѣдствіе отстраненія ихъ отъ участія въ жизни и судьбахъ деревни, не знали этой жизни, а затѣмъ находились подъ вліяніемъ застилавшаго всю Россію интеллигентскаго дурмана.

Наши передовые дворяне въ 4-ой Государственной Думѣ требовали мелкой земской единицы и расширенія избирательныхъ правъ крестьянъ при выборахъ въ Государственную Думу, такъ какъ они уже не отдавали себѣ яснаго отчета, что у насъ за мужики. Они же въ Государственной Думѣ изъ за Распутинской Исторіи дискредитировали Государя передъ всей страной ради стяжанія популярности и кажденія модному въ странѣ оппозиціонному движенію, не отдавая себѣ отчета, что рубятъ сукъ, на которомъ сидятъ. Сами того не желая, они дѣлали революцію и глубоко былъ правъ за нѣсколько недѣль до февральскаго переворота 1917 года соціалъ-революціонеръ А. Ф. Керенскій, когда съ думской трибуны онъ, обратясь къ думскому блоку, гдѣ большинство составляли дворяне, сказалъ, что блокъ напоминаетъ ему знаменитаго Мольеровскаго мѣщанина во дворянствѣ, тотъ, молъ, «дѣлалъ прозу», самъ того не зная, а блокъ дѣлаетъ революцію, не отдавая себѣ въ этомъ отчета. Событія показали, что Керенскій былъ правъ.

Думскій блокъ, т. е. наши передовые дворяне, вовсе не хотѣли революціи, никогда для русскихъ либераловъ послѣэмансипаціонной эпохи не были наши передовые дворяне настроены столь охранительно, но они отвыкли отъ трезваго политическаго мышленія, они не отдавали себѣ отчета въ томъ, чего стоитъ нашъ мужикъ, какую силу представляютъ у насъ революціонеры, съ которыми они заигрываютъ, что сами они, единственный буржуазный элементъ въ странѣ, по вліянію и значенію своему нуль, что весь нашъ соціально-политическій организмъ, при духовной пропасти раздѣляющей у насъ мыслящіе буржуазные классы отъ народныхъ массъ, держится Государемъ, подъ котораго они подкапываются. Обо всемъ этомъ наши мыслящіе буржуазные элементы не думали и этимъ доказали, что со времени освобожденія крестьянъ совершившаяся въ нихъ, подъ вліяніемъ разложившихъ ихъ психику событій, умственная и нравственная метаморфоза обратила ихъ въ классъ, отнюдь не «пригодный къ управленію», классъ, который Революція и смела легко и безъ остатка.

Со времени осовобожденія крестьянъ систематическая оппозиція нашему правительству, какъ я уже сказалъ, оппозиція ради оппозиціи, стала лозунгомъ передовой, либеральной, если не болѣе численной, то, какъ принято было говорить, «лучшей» части нашего дворянства. Этому много способствовало земство, этотъ недоносокъ слабой государственной мысли нашихъ шестидесятниковъ.

XIII.

Только русская интеллигентская мысль при ея предвзятости, нежизненности и тенденціозности могла придумать такое куцое, такое неудачное во всѣхъ отношеніяхъ учрежденіе, какъ земство. Здѣсь не мѣсто и не время обсуждать этотъ вопросъ подробно. Еще до Революціи мной былъ разработанъ вопросъ о нежизненности и нелѣпости этого учрежденія, но выступить съ моими данными и выводами въ Государственной Думѣ мнѣ не пришлось. Сейчасъ скажу лишь слѣдующее.

Наше земство въ своей дѣятельности преслѣдовало двѣ главныхъ цѣли: распространеніе начальнаго образованія среди населенія и подъемъ крестьянскаго хозяйства путемъ разныхъ агрономическихъ начинаній. Какъ я уже упоминалъ выше, въ моей рѣчи, произнесенной въ Государственной Думѣ 20 мая 1914 года, мнѣ удалось убѣдительно доказать, что въ условіяхъ хозяйственнаго и культурнаго уровня нашего крестьянства широкое насажденіе начальнаго образованія являлось безполезной и притомъ дорогой затѣей, такъ какъ само по себѣ начальное образованіе не есть путь или средство къ подъему народнаго хозяйства и на Западѣ отнюдь не предшествовало этому подъему, а явилось вслѣдъ за нимъ, какъ выраженіе возникшихъ въ народѣ въ связи съ его культурнымъ подъемомъ духовныхъ потребностей.

Что касается «земской агрономіи», то она въ условяхъ нашего крестьянскаго землепользованія.опять таки являлась лишь покушеніемъ съ негодными средствами. Могли быть мелкіе успѣхи, но они были слишкомъ ничтожны и не окупали ни усилій, ни затратъ — игра, какъ говорится, нестоила свѣчи. Какъ и во всѣхъ другихъ вопросахъ, такъ и въ этомъ сказывалась «завиральность» нашей интеллигенціи, ея сужденіе по всѣмъ вопросамъ, если такъ можно выразиться, шиворотъ на выворотъ. Вотъ, выражаясь рѣзко-схематически, образчикъ мышленія нашей интеллигенціи въ соціально-политическихъ вопросахъ. «Почти всѣ жители Лондона носятъ цилиндръ: вслѣдствіе этого они зажиточны, культурны и имѣютъ возможность широко удовлетворять свои самыя разнообразныя потребности». А между тѣмъ разсуждать слѣдовало бы, казалось бы, наоборотъ: «Жители Лондона зажиточны, культурны и имѣютъ возможность широко удовлетворять свои самыя разнообразныя потребности: вслѣдствіе этого почти всѣ они носятъ цилиндръ». Такъ и въ вопросѣ объ агрономіи наши интеллигенты «слышали звонъ, да не

разобрали, гдѣ онъ.» Какую пользу можетъ у насъ принести весьма совершенная агрономическая книга, вдобавокъ, еще по большей части заимствованная съ Запада, или показательное поле, когда нашъ крестьянинъ въ силу особенностей своей психики и условій своего землепользованія не хочетъ и не можетъ использовать у себя хотя бы тѣ сравнительно болѣе совершенные и улучшенные способы земледѣлія и землепользованія, которые онъ видитъ у сосѣда-помѣщика! Я уже не говорю про то, что пріемы и усовершенствованія, примѣнимые на культурномъ земледѣльческомъ Западѣ, у насъ еще неумѣстны и преждевременны. Не въ этомъ центръ тяжести вопроса, а въ томъ, что на Западѣ агрономическая книга отнюдь не двигатель агрономическаго прогресса, а его слѣдствіе, выраженіе, запротоколированіе, результатъ совмѣстной многовѣковой упорной культурной работы земледѣльца и землевладѣльца подъ суровой эгидой этого послѣдняго.

Такимъ образомъ, наше земство въ качествѣ двигателя хозяйственнаго и культурнаго прогресса явилось учрежденіемъ въ лучшемъ случаѣ безполезнымъ (если не считать медицинскую помощь, на которую, къ сожалѣнію, слишкомъ мало обращалось вниманія со стороны земства). Но, кромѣ хозяйственно-просвѣтительной, наше земство сыграло въ жизни страны и роль политическую и эта роль стяжала ему въ странѣ широкую популярность и причинила не мало вреда какъ дворянству, такъ и косвенно всей странѣ.

Дѣло въ томъ, что земство, это куцое измышленіе незрѣлой государственной мысли, было дано дворянству, требовавшему конституціи, какъ голодной собакѣ кость, «чтобы отстала». Какъ извѣстно, наши Земскія Собранія, въ особенности наиболѣе важныя по своему политическому значенію Губернскія, по составу своему, какъ при старомъ, такъ и новомъ Земскомъ Законѣ, были учрежденіями дворянскими.

Дворянство было отстранено отъ завѣдыванія крестьянами, не было допущено къ законодательному аппарату: зато въ видѣ утѣшенія ему было предоставлено вѣдать мѣстными хозяйственными и культурными нуждами страны. При недовольствѣ и оппозиціонности дворянства, при переживаемомъ въ то время страной сильномъ политическомъ броженіи неудивительно, если наши Земскія Собранія, главнымъ образомъ Губернскія, тотчасъ же обратились въ политическія говорильни, маленькіе мѣстные парламенты, неизмѣнно оппозиціоннаго направленія, и такими и остались до конца своего существованія. Я разумѣю, конечно, не всѣ, а большинство Земскихъ Собраній, въ особенности коренной Россіи, особенно рѣзко пережив-

шей бродильную горячку 60-хъ годовъ. Симпатіи нашей широкой публики къ земству все время поддерживались именно политической стороной Земскихъ Собраній. Не будь ея, никто не интересовался бы ими . Какъ только учреждена была у насъ Государственная Дума, интересъ не только со стороны интеллигенціи, но и со стороны помѣщиковъ къ земству сильно палъ.

И вотъ наши Земскія Собранія для нашего дворянства, для «лучшей передовой его части», которая монополизировала большинство Земскихъ Собраній, а потомъ вошла въ Государственную Думу, явились крайне вредной политической школой: они пріучили ихъ къ систематической оппозиціонности и въ то же время безотвѣтственности. Народное представительство въ странѣ, политически недостаточно зрѣлой и притомъ политически взбудораженной, всегда представляетъ изъ себя нѣкоторую опасность для порядка, но, когда оно наладится, оно приноситъ ту несомнѣнную пользу старнѣ, что пріучаетъ образованные общественные классы дѣлить вмѣстѣ съ правительствомъ бремя отвѣтственности передъ страной, а нравственная отвѣтственность передъ страной даже самаго увлекающагося народнаго трибуна способна сдѣлать осмотрительнымъ и осторожнымъ. Притомъ же одно значитъ нападать и критиковать, а другое — дѣло дѣлать. Вотъ почему мы такъ часто видимъ на Западѣ, что воинствующія соціалистическія партіи, прійдя ко власти, становятся весьма умѣренными. Вотъ почему парламентъ, въ особенности въ странахъ культурныхъ, является столь полезнымъ громоотводомъ для политическихъ страстей.

Не то было у насъ въ Земскихъ Собраніяхъ. О творческой работѣ при нежизненности земскихъ заданій не могло и быть рѣчи, тѣмъ болѣе что дворянство постепенно все дальше и дальше отходило отъ народа, все болѣе и болѣе атрофировало свои руководительскія способности. О дѣйствительной отвѣтственности господъ земцевъ передъ страной даже странно было бы и говорить. Зато оппозиціонной революціонности было много, хоть отбавляй. Эта оппозиціонность настолько вошла въ привычки передового дворянства, что продолжала жить въ земствѣ и тогда, когда подавляющее большинство дворянства въ значительной степени успѣло привыкнуть и примириться съ создавшимся положеніемъ вещей. Да и самые завзятые крайніе земцы въ сущности не желали сильныхъ потрясеній. Имъ просто хотѣлось играть роль въ революціонно настроенной Россіи и въ то же время они были увѣрены, что правительство достаточно сильно, чтобы поддержать порядокъ, которымъ они сами дорожили.

Я думаю, всякій пойметъ, насколько вредна была въ смыслѣ

вліянія и на обоснованность и на прочность политическаго міровоззрѣнія и на устойчивость и выдержку воли та земская политическая школа, которую у насъ проходили наши такъ называемые «общественные дѣятели».

Я позволю себѣ употребить рѣзкое, но, мнѣ кажется, ярко рисующее истинное положеніе вещей, сравненіе. Въ 60-хъ годахъ нашимъ дворянамъ, легкомысленно и несправедливо лишеннымъ Верховной властью ихъ правъ надъ крестьянами и отстраненнымъ отъ несенія въ отношеніи крестьянъ священѣйшихъ ихъ обязанностей, былъ предоставленъ вмѣсто политической «жизни» въ образѣ народнаго представительства политическій въ лицѣ земства «онанизмъ», не удовлетворявшій, а только раззадоривавшій и разжигавшій ихъ политическіе аппетиты, подорвавшій ихъ силы, исказившій ихъ характеръ и притупившій ихъ волю. Этимъ «онанизмомъ» занялись три слѣдовавшихъ другъ за другомъ поколѣнія. Какъ юноша, слишкомъ долго предававшійся «дурнымъ» привычкамъ, обыкновенно оказывается неспособнымъ къ плодотворной семейной жизни, такъ и земцы наши явились въ нашъ парламентъ обезсиленными и деморализованными вредными и длительными земскими политическими навыками. Предвзятость и незрѣлость политической мысли, оторванность отъ жизни, непониманіе крестьянина, систематическая оппозиціонность, незнаніе истиннаго положенія вещей въ Россіи, отсутствіе чувства отвѣтственности передъ страной, застарѣлая привычка исканія популярности — вотъ, что внесли наши дворяне-земцы въ нашъ новоиспеченный парламентъ. Въ отсутствіи чувства благонамѣренности и желанія добра ихъ упрекнуть нельзя. Былъ моментъ, когда подъ руководствомъ энергичнаго, талантливаго и безстрашнаго Столыпина дѣло какъ будто наладилось. Но когда со смертью Столыпина у кормила правленія стали всякія политическія бездарности, а затѣмъ военныя неудачи подвергли тяжкому испытанію чувства нравственной стойкости и выдержеки русскаго народа, наши мыслящіе, образованные классы не выдержали испытанія. Вновь всплыли всѣ застарѣлыя привычки пустыхъ политическихъ болтуновъ и все быстро покатилось внизъ по наклонной плоскости. Но и тутъ Думскій блокъ, поддерживая смуту въ странѣ, въ сущности не вѣдалъ, что творилъ. Онъ не желалъ революціи, по старой земской привычкѣ онъ считалъ, что правительство достаточно сильно, онъ, повидимому, даже въ моментъ переворота, не отдавалъ себѣ отчета, какой Государь у власти, не отдавалъ себѣ отчета, что его первый министръ — баринъ, не способный ни къ какому отвѣтственному государственному дѣлу, что наиболѣе отвѣтственный министръ,

министръ внутреннихъ дѣлъ — полусумасшедшій, а войскъ въ столицѣ нѣтъ (если не считать ни къ чему негоднаго случайнаго ненадежнаго сброда).

XIV.

Что касается нашего крестьянства, то экономическій его бытъ со времени его освобожденія вплоть до переворота мало измѣнился (если не считать Столыпинской земельной реформы, осуществленной въ очень ограниченныхъ размѣрахъ и еще не успѣвшей принести своихъ плодовъ). Собственно говоря, своимъ освобожденіемъ въ 60-хъ годахъ и законодательнымъ закрѣпленіемъ земельной общины въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія нашъ крестьянинъ былъ какъ бы поставленъ въ экономическій тупикъ, его хозяйственная жизнь въ общемъ какъ бы замерла на своего рода хозяйственной точкѣ замерзанія. Земледѣльческій прогрессъ въ этихъ условіяхъ въ крестьянской средѣ являлся рѣдкимъ исключеніемъ. Если въ общемъ не замѣчалось регресса экономической жизни, то лишь въ силу естественнаго прироста населенія, экономическаго фактора, который въ странахъ со столь недостаточнымъ по своей численности населеніемъ и со столь недостаточно использованными естественными богатствами какъ Россія, должно считать за явленіе, столь же благотворное въ экономическомъ отношеніи, какъ ростъ капиталовъ на Европейскомъ Западѣ.

Въ упомянутыхъ условіяхъ хозяйственной жизни, ясно, не могло быть и рѣчи о прогрессѣ духовной жизни нашего крестьянства, о подъемѣ его умственнаго и нравственнаго уровня. Наоборотъ, полная отстраненность нашего крестьянина отъ какого либо нравственнаго и юридическаго на него воздѣйствія, со времени освобожденія, со стороны болѣе культурныхъ элементовъ деревни привело къ постепенному одичанію и огрубѣнію крестьянскихъ массъ. Съ другой стороны, это уже былъ не мужикъ эмансипаціонной эпохи, о которомъ тогдашніе либералы говорили, что онъ «смиреніемъ великъ». Длительная «культурная» работа нашей интеллигенціи, главнымъ образомъ крайныхъ ея элементовъ, какъ подпольная, такъ и болѣе или менѣе открытая въ народной школѣ, успѣла сдѣлать свое дѣло. Мужикъ нашъ обнаглѣлъ, а въ лицѣ своихъ представителей вкусившихъ кое-какого (именно «кое-какого») школьнаго образованія, даже революціонизировался.

Насколько ко времени созыва Первой Государственной Думы

наши правящіе классы были далеки отъ жизни и плохо знали крестьянина (а, слѣдовательно, насколько уже мало были они «пригодны къ управленію») видно изъ слѣдующаго факта. Наша высшая бюрократія въ моментъ созыва Первой Государственной Думы была увѣрена въ прежнемъ, быломъ патріархальномъ настроеніи нашего крестьянства и преобладающее положеніе, которое было предоставлено избирательнымъ закономъ крестьянству въ Первой Государственной Думѣ объяснялось тѣмъ, что на верхахъ въ то время неискренно хотѣли конституціи и питали тайную надежду, что мужикъ, явившись въ большомъ числѣ въ Государственную Думу, поклонится въ ноги Царю-Батюшкѣ и попроситъ его править по прежнему. Вмѣсто этого въ Первую и Вторую Думу проникли типичнѣйшіе крестьяне-революціонеры, образчикомъ которыхъ можетъ служить пресловутая втородумская тройка со своеобразными фамиліями — Пьяныхъ, Нечитайло и Кабаковъ.

Такимъ образомъ, въ связи со всѣмъ сказанымъ вотъ каково было сочетаніе у насъ общественныхъ силъ къ моменту переворота. Народныя массы, некультурныя и инертныя, чуждыя какихъ либо устоевъ собственности (иначе говоря, нравственности, такъ какъ весь моральный кодексъ, въ сущности, сводится къ тому, чтобы не желать и не брать чужого), чуждыхъ идей порядка, въ то же время уже далеко не патріархальныя и отчести революціонизированныя и въ связи съ нелѣпо разрѣшеннымъ у насъ въ 60-хъ годахъ земельнымъ вопросомъ, этой ахиллесовой пятой нашей внутренней хозяйственной и политической жизни, представлявшія изъ себя опасный съ государственной точки зрѣнія горючій матеріалъ.

Надъ этими народными массами стояли наши высшіе, правящіе, мыслящіе общественные классы: постепенно объинтеллигентившееся дворянство и интеллигенція въ ковычкахъ. О роли этой послѣдней я сейчасъ выскажусь нѣсколько подробнѣй. Тѣхъ и другихъ вмѣстѣ взятыхъ, т. е. наше дворянство и интеллигенцію въ ковычкахъ, я назвалъ бы интеллигенціей въ широкомъ смыслѣ слова. Ко времени переворота представители этого широкаго общественнаго класса, имѣющіе связь съ землей, уже давно успѣли утратить и атрофировать какія бы то ни было руководительскія способности, а у чистыхъ интеллигентовъ никогда этихъ способностей и не было. Иначе говоря, и тѣ и другіе къ моменту переворота представляли изъ себя общественный классъ «совсѣмъ непригодный къ управленію». Причины: непониманіе и идеализированіе мужика, въ области соціальной и политической жизни предвзятость, ходульность, какъ я уже часто говорилъ, «завиральность» идей и понятій, какъ слѣд-

ствіе нездороваго, ненормальнаго усвоенія идей Запада черезъ призму нашей культурной отсталости и неподготовленности, отчасти въ связи съ катастрофичностью и революціонностью главныхъ историческихъ этаповъ нашей новѣйшей исторіи. Далѣе: непониманіе ни собственнаго прошлаго и настоящаго, ни прошлаго и настоящаго Западной Европы (экономическаго и соціальнаго прошлаго которой, вдобавокъ, у насъ или совсѣмъ не знали или представляли себѣ въ ложномъ освѣщеніи). Наконецъ, революціонность и оппозиціонность, оппозиціонность и революціонность мыслящихъ классовъ, по причинамъ которыя, думается мнѣ, я достаточно выяснилъ.

Въ изображенной мной оппозиціонной и революціонной кампаніи объинтеллигентившійся землевладѣльческій классъ или игралъ роль пассивной недоумѣвающей публики, не знавшей, что возразить и что сказать, или хора, въ лицѣ и либеральныхъ и либеральничающихъ земцевъ и думцевъ подпѣвавшаго и подыгривавшаго революціи, дѣлали которую, вершителями и заправилами которой являлись наши интеллигенты въ ковычкахъ.

И вотъ весь этотъ соціально-политическій хаосъ къ моменту переворота возглавлялъ Царь, какъ на бѣду, типичный неудачникъ. Прекрасный человѣкъ, но безъ воли и въ то же время не допускавшій надъ собой чужой воли, которой могъ бы съ пользой для себя и для дѣла подчиниться. Словомъ, монархъ, всегда и во всемъ являвшій изъ себя «какъ бы тростъ, вѣтромъ колеблему».

«Гдѣ тонко, тамъ и рвется», говоритъ пословица. Какъ на зло, вся семейная обстановка несчастнаго Государя складывается ему на погибель. Онъ образцовый семьянинъ, а Судьба посылаетъ ему въ подруги жизни прекрасную женщину, но въ полномъ смыслѣ словнеудачницу, женщину, которой замкнутостью характера и непривѣтливостью обращенія удается возстановить всѣхъ противъ себя, женщину, умственно ограниченную, но съ сильной волей, которую она умѣетъ использовать, при плохомъ пониманіи окружающей ее соціально-политической обстановки, для пагубнаго воздѣйствія на своего слабохарактернаго супруга.

Недаромъ несчастный Николай II-й кручинился о томъ, что родился въ день преставленія многострадальнаго Іова. Неудачная во всѣхъ отношеніяхъ подруга жизни, вдобавокъ, даритъ ему любимаго сына-наслѣдника, больного рѣдкой неизлѣчимой болѣзнью (гемофиліей). И вотъ на этомъ семейномъ дѣйствительно трагическомъ несчастіи строится цѣлая политическая драма, сама по себѣ не стоящая выденнаго яйца, но ужасная по своимъ политическимъ послѣдствіямъ, извѣстная «Распутинская Исторія».

XV.

Въ заключеніе позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ объ исторіи наступательнаго революціоннаго движенія нашей интеллигенціи въ ковычкахъ, нашей интеллигенціи въ чистомъ ея видѣ. Подъ этимъ терминомъ я разумѣю лѣвое крыло нашей интеллигенціи въ широкомъ смыслѣ этого слова, ту ея часть, которая не была застрахована близостью къ деревнѣ и реальной жизни отъ рѣзкихъ крайностей, ставившихъ ее еще «лѣвѣе» нащего и безъ того въ высшей степени ходульнаго и тенденціознаго интеллигентскаго мышленія. Эта интеллигенція въ ковычкахъ, малочисленная въ эпоху Николая I-го, въ связи со школьными реформами Александра II-го и обезземеленіемъ части дворянства во второй половинѣ прошлаго столѣтія постепенно разрослась въ многочисленный чрезвычайно оппозиціонно и революціонно настроенный общественный классъ.

Роль лучшей, идеально настроенной части этого общественнаго класса въ русской исторіи уже сыграна, общественный классъ этотъ, опять таки въ лицѣ лучшей, безкорыстной своей части, самъ себя похоронилъ, и ему можно сказать надгробное слово. Въ немъ всѣ лучшія стороны духовной природы русскаго человѣка сочетались и тѣсно переплелись со всѣми недостатками и слабостями русскаго интеллигентскаго мышленія. Идеализмъ, безкорыстіе, самоотверженность, готовность «душу свою положить за друзи своя» — вотъ черты нравственнаго облика воинствующаго русскаго интеллигента, приведшаго Россію къ теперешнему ея положенію. Съ другой стороны, предвзятость, ходульность, тенденціозность, непровѣренность, необоснованность и именно въ связи съ этимъ фанатичность соціальныхъ и политическихъ взглядовъ, носящихъ у нашей воинствующей интеллигенціи характеръ скорѣе религіозныхъ вѣрованій, нежели соціально-политическихъ убѣжденій. На этой нашей интеллигентской идейности, мнѣ кажется, я достаточно подробно останавливался въ предыдущихъ строкахъ этого очерка.

Изъ среды этой русской интеллигенціи въ ковычкахъ, представляющей изъ себя болѣе лѣвое, болѣе крайнее отвѣтвленіе русской интеллигенціи въ широкомъ смыслѣ этого слова, постепенно выдѣлилось самое крайнее боевое ея крыло — люди не одной лишь мысли и слова, но и дѣйствія, нигилисты, террористы соціалъ-революціонеры, соціалъ-демократы меньшевики и большевики и т. под. Эти люди постепенно втянулись въ безпощадную кровавую борьбу съ

монархіей и ея правительствомъ, изъ нихъ выработался кадръ безбоязненныхъ, безстрашныхъ борцовъ за идею.

Я уже достаточно останавливался на той мысли, что вина за то, что въ началѣ невинное, даже «вѣрноподданическое» идейное движеніе нашей интеллигенціи постепенно выродилось въ бурное революціонное теченіе, поглотившее монархію, что вина за это всецѣло падаетъ на нелѣпыя, неосмысленныя эгоистическія реформы Царя-Освободителя. Тщеславный актъ дарованія «свободы» народнымъмассамъ, которыя объ этомъне просили, во всякомъ случаѣ долженъ былъ сопровождаться удовлетвореніемъ политическихъ запросовъ «передовой» части мыслящихъ русскихъ общественныхъ классовъ, дворянства и интеллигенціи. Въ моментъ освобожденія крестьянъ «передовые» представители какъ дворянства, такъ и инетеллигенціи въ политическомъ отношеніи были между собою солидарны и ничего другого, кромѣ политической конституціи, т. е. народнаго представительства, не требовали.

Мы знаемъ, къ какимъ отрицательнымъ результатамъ въ области дальнѣйшей соціальной и политической эволюціи нашего дворянства привелъ себялюбивый отказъ Александра II-го даровать конституцію. Еще къ болѣе печальнымъ послѣдствіямъ этотъ отказъ привелъ въ отношеніи нашей интеллигенціи въ спеціальномъ смыслѣ этого слова, точнѣе, въ отношеніи лѣваго ея крыла, людей дѣйствія, способныхъ принести себя въ жертву ради идеи. Эти люди завели съ монархіей ожесточенную борьбу. Борьба эта, при томъ невыгодномъ положеніи, въ которое поставили себя наши монархи (или, вѣрнѣе, Александръ II-ой) нелѣпымъ освобожденіемъ крестьянъ, устраненіемъ дворянъ отъ власти и революціонными реформами 60-хъ годовъ, окончилась на нашихъ глазахъ пораженіемъ монархіи, вмѣстѣ съ собой увлекшей въ революціонную пропасть и всѣ наши мыслящіе, образованные классы общества.

Исторія русскаго интеллигентскаго революціоннаго движенія, вѣрнѣе, исторія воинствующаго, боевого крыла русской интеллигенціи слишкомъ хорошо извѣстна, чтобы я подробно на ней останавливался. Вначалѣ вполнѣ благонамѣренное, можно сказать, лояльное и даже вѣрноподданическое, движеніе это въ какихъ нибудь 10-15 лѣтъ пріобрѣло характеръ террористической борьбы, по своимъ пріемамъ кровавой и безпощадной, борьбы, систематически формулированной и закрѣпленной на Липецкомъ и Воронежскомъ съѣздахъ революціонеровъ лѣтомъ 1879 года. Отчаянности этой борьбы способствовала идеологическая страстность русской интеллигентской психики, а съ другой стороны, весь характеръ безсистемной, непо-

слѣдовательной, противорѣчивой политики Царя-Освободителя.

Съ одной стороны, дѣлалось все для возбужденія и разжиганія политическихъ страстей: не говоря уже про взбаламученное море русской деревни, этой цѣли служили и способствовали и печать, черезчуръ разнузданная послѣ длительной эпохи молчанія, и широкое насажденіе школьнаго образованія, заполнившее арену русской умственности массой интеллигентнаго пролетаріата, и новыя судебныя учрежденія, вначалѣ отличавшіяся своей тенденціозностью и антигосударственностью, и земскія собранія, эти шумливыя политическія говорильны, и т. п.. Съ другой стороны, раззадоренные политическіе аппетиты, вызванные къ жизни самимъ же Царемъ-Освободителемъ, не находили себѣ пищи и удовлетворенія своимъ политическимъ запросамъ, такъ какъ въ области политическаго устройства и управленія Государь твердо сталъ на ту точку зрѣнія, что все должно оставаться по старому.

Возникшая на этой почвѣ борьба повела сперва къ знаменитымъ хожденіямъ въ народъ нашей боевой интеллигенціи, а затѣмъ, въ связи съ репрессіями правительства, къ цѣлому ряду покушеній на жизнь сперва представителей власти, а затѣмъ и самого Государя. Вообще къ концу царствованія Александра II-го борьба между революціоннымъ боевымъ крыломъ нашей интеллигенціи и монархіей настолько обострилась, что о взаимномъ пониманіи другъ друга, а тѣмъ болѣе о примиреніи уже не могло быть и рѣчи, и это въ странѣ, гдѣ четверть вѣка передъ этимъ Государь въ лицѣ властнаго Николая I-го не зналъ никакой личной для себя опасности и могъ свободно и открыто, безъ всякой охраны, жить и передвигаться съ мѣста на мѣсто, какъ простой смертный! Вотъ до чего довели Россію «великія» реформы Александра II-го!

Но помимо общихъ соціальныхъ и политическихъ причинъ неудачъ нашей монархіи въ ея борьбѣ съ Революціей, которыя, мнѣ кажется, я достаточно здѣсь выяснилъ, нельзя не отмѣтить общей слабости и безсистемности нашего правительства въ его борьбѣ съ революціонерами. Казалось бы, что трудно было бы найти на свѣтѣ власть, болѣе освященную не только временемъ, но и преданностью ея народа, чѣмъ власть русскаго государя. А между тѣмъ въ борьбѣ съ революціей наше правительство не проявляло даже той энергіи, съ какой боролся и расправлялся со своими противниками узурпаторъ Наполеонъ III-й. Въ связи съ неизмѣнно у насъ либеральничавшимъ общественнымъ мнѣніемъ у насъ постепенно (въ особенности въ царствованіе Александра II-го) привыкли смотрѣть на проявленія революціи, какъ на ставшія нормальными и привычными

явленія нашей общественной жизни, а не какъ на крамолу, грозившую гибелью государству, какъ на зло, которое, ужъ коли вступали съ нимъ въ борьбу, надо было вырвать сразу и съ корнемъ.

Впрочемъ, слабость и неувѣренность Верховной власти и ея правительства въ борьбѣ съ революціей легко находятъ себѣ объясненіе въ ложности, въ фальшивости положенія правительства въ связи, съ одной стороны, съ нелѣпостью, а съ другой стороны, съ противорѣчивостью и половинчатостью затѣянныхъ Верховной властью въ царствованіе Царя-Освободителя реформъ.

Этой безсистемности правительства вторила какая то невѣроятная съ его стороны безтолковость. Какъ на примѣръ, достаточно указать на официальное объявленіе русскаго правительства, напечатанное въ 1873 -мъ году въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», коимъ русскія студентки, учившіяся въ Цюрихскомъ Университетѣ, приглашались вернуться «ввиду ихъ революціонности» въ Россію до 1-го января 1874 года. Въ противномъ случаѣ правительство угрожало имъ :«что онѣ не будутъ допускаемы ни къ какимъ занятіямъ, разрѣшеніе или дозволеніе которыхъ зависитъ отъ правительства, а также къ какимъ бы то ни было экзаменамъ или въ какое либо русское учебное заведеніе». Какъ извѣстно, русскія революціонерки, учившіяся въ Цюрихскомъ Университетѣ, поспѣшили вернуться на родину, но ихъ возвращеніе послужило лишь къ скорѣйшему распространенію въ Россіи революціонныхъ идей и въ значительной степени подготовило первое знаменитое революціонное хожденіе въ народъ въ 1874-мъ году.

Наше правительство, избѣгая крутыхъ мѣръ расправы съ революціонерами, въ то же время въ изысканіи каръ за маловажныя политическія преступленія, какъ напримѣръ, за принадлежность къ тайнымъ политическимъ сообществамъ, дѣйствовало крайне неосмысленно, безо всякой вдумчивости и осмотрительности. Такъ напримѣръ, извѣстно, что кадры активныхъ революціонеровъ очень и очень долго пополнялись у насъ такими цѣнными для Революціи сотрудниками, какъ исключенные изъ университета за маловажные политическіе проступки студенты. Еще въ 1882-мъ году тогдашній директоръ департамента полиціи (впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ) фонъ-Плеве писалъ, что «эти уволенные являютъ собою главный контингентъ, изъ котораго крамола вербуетъ своихъ дѣятелей».

А что сказать про практиковавшуюся у насъ въ теченіе долгаго времени административную ссылку революціонеровъ, при которой активные дѣятели Революціи высылались на жительство изъ мѣстъ, гдѣ Революція свила себѣ прочное гнѣздо, скажемъ, изъ Москвы,

въ мѣста, не тронутыя еще Революціей, напримѣръ, въ какой-нибудь захолустный Симбирскъ, какъ бы спеціально для пропоганды тамъ революціонныхъ идей. Еще въ совѣщаніи министровъ въ 1876 году, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ графа Валуева, министръ юстиціи графъ Паленъ указывалъ на нелѣпость и вредность этой мѣры и однако и послѣ этого административную высылку революціонеровъ продолжали у насъ примѣнять еще весьма продолжительное время.

XVI.

Итакъ, мнѣ кажется, что изъ сдѣланнаго мною анализа событій и явленій новѣйшей русской исторіи явствуетъ, что разыгравшійся на нашихъ глазахъ въ нашемъ отечествѣ соціально-политическій катаклизмъ, если и не былъ въ полномъ смыслѣ слова неизбѣженъ, то во всякомъ случаѣ былъ всѣмъ ходомъ предшествовавшихъ ему событій и длительнымъ ненормальнымъ, нездоровымъ развитіемъ и сочетаніемъ силъ русской общественности и государственности весьма основательно подготовленъ, т. е. явился логическимъ слѣдствіемъ цѣлаго ряда соціально-политическихъ причинъ, явился естественнымъ разрѣшеніемъ цѣлаго ряда соціально-политическихъ недуговъ.

Если бы кто поставилъ вопросъ: «Кто виноватъ во всемъ происшедшемъ?», я отвѣтилъ бы ему весьма печальнымъ съ точки зрѣнія кодекса обыденной нравственности афоризмомъ: «Какъ общее правило, въ большинствѣ случаевъ Исторія не знаетъ виноватыхъ.» Съ точки зрѣнія возможности нравственнаго вмѣненія неужели можно серьезно винить нашихъ государей за то, что у нихъ голова закружилась отъ полноты власти, полноты неизбѣжной и необходимой въ условіяхъ нашего прошлаго? Можно ли обвинить наши мыслящіе общественные классы за то, что духовный ихъ обликъ былъ исковерканъ, изуродованъ и обезображенъ, съ одной стороны, запоздалымъ и по пріемамъ своимъ чисто революціоннымъ общеніемъ съ западно-европейской культурностью и идейностью, а съ другой, насильственными, въ полномъ смыслѣ слова катастрофическими, по пріемамъ своимъ насильническими, чисто большевицкими реформами наиболѣе выдающихся нашихъ государей? Можно ли судить нашего мужика за его дикость и некультурность, за его варварство, именно въ послѣднее время выразившееся въ неслыханныхъ погромахъ, разрушеніяхъ и насиліяхъ.? Развѣ этотъ мужикъ въ теченіе своей многострадальной исторіи въ лицѣ длиннаго ряда поколѣній не былъ лишенъ досмотра и руководства болѣе культурныхъ и въ то же время

близкихъ ему общественныхъ элементовъ? Развѣ, когда печальная русская дѣйствительность, наконецъ, среди мукъ и страданій выработала эти общественные элементы, создала этотъ общественный классъ, какъ ни какъ въ извѣстной степени «пригодный къ управленію», развѣ свойственная русской жизни революціонность и катастрофичность не смела его быстро съ арены русской общественности и государственности? И кто же замѣнилъ эти выброшенные за бортъ цѣнные элементы русской общественности и государственности? — Наши русскіе интеллигенты въ ковычкахъ, слѣпые фанатичные мечтатели, въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній во имя превратно понятыхъ ими идей свободы и справедливости мутившіе душу наивнаго некультурнаго крестьянина, сѣявшіе въ ней сѣмена анархіи, грабежа и насилія.

Всѣ они, всѣ отъ мала до велика «не вѣдали, что творили». Въ этомъ то и заключался и сейчасъ, пожалуй, заключается трагизмъ положенія.

Мнѣ кажется, ято я въ достаточной степени по мѣрѣ силъ и пониманія отвѣтилъ на первый поставленный въ заголовкѣ этого краткаго очерка вопросъ: «Чѣмъ объяснить наше прошлое?» Мнѣ думается, что отвѣтъ на второй поставленный мной вопросъ: «Чего ждать отъ нашего будущаго?» въ значительной степени зависитъ отъ того, послужатъ ли на пользу нашимъ мыслящимъ, руководящимъ общественнымъ классамъ только что прежитые ими тяжкіе уроки, преподанные имъ разыгравшимися на нашихъ глазахъ ужасными событіями.

XVII.

Мнѣ кажется, что въ предыдущемъ изложеніи я въ достаточной степени уяснилъ основной тезисъ этого моего очерка: «Переживаемый Россіей острый болѣзненный кризисъ есть прежде всего кризисъ русскихъ мыслящихъ, образованныхъ, руководящихъ общественныхъ классовъ, доказавшихъ свою духовную несостоятельность и сброшенныхъ съ политической арены безпощадной дѣйствительностью.» Двухъ другихъ элементовъ русской общественности (монархія и народъ) переживаемыя нами событія, несмотря на свой видимый ужасъ, мало коснулись, мало затронули ихъ суть, ихъ сердцевину, если такъ можно выразиться. Русскіе монархи совершили рядъ ошибокъ, за которыя поплатились и сами они и русскій народъ. Сейчасъ мы переживаемъ эпоху междуцарствія, но монархическая идея въ Россіи отъ всего происшедшаго, если и пострадала, то весьма

незначительно — вопросъ, на которомъ я подробнѣй остановлюсь ниже. Ужасы большевизма, причинивъ нашимъ народнымъ ма амъ рядъ тяжкихъ страданій, къ которымъ имъ не привыкать стать, въ то же время въ общемъ мало затронули, мало видоизмѣнили самую, если такъ можно выразиться, духовную и соціальную толщу народную — вопросъ, на которомъ я опять таки подробнѣй остановлюсь ниже.

Не то слѣдуетъ сказать про нашу интеллигенцію въ широкомъ смыслѣ слова. Событія ярко доказали ея соціально-политическую несостоятельность и тѣмъ самымъ поставили вопросъ о raison d'être ея существованія, надъ которымъ, мнѣ кажется, исторіей неизбѣжно можетъ быть поставленъ крестъ въ недалекомъ будущемъ.

Хотя я рискую надоѣсть читателю повтореніями, однако я еще разъ вынужденъ ради ясности вкратцѣ, какъ бы схематически, остановиться на самомъ больномъ вопросѣ русскаго будущаго: сохранила ли Россія, есть ли въ ея распоряженіи общественный классъ «пригодный къ управленію»?

Читатель, я думаю, въ достаточной степени свыкся съ моей условной терминологіей. Ввиду этого я позволю себѣ, говоря о нашей «интеллигенціи въ широкомъ смыслѣ этого слова», въ порядкѣ слѣдованія справа на лѣво коснуться одного за другимъ отдѣльныхъ ея крыльевъ или отвѣтвленій, коснуться преимущественно съ точки зрѣнія «завиральности» ихъ соціально-политическихъ взглядовъ.

Первое справо крыло или отвѣтвленіе, это — наиболѣе численная, умѣренная часть нашего дворянства и землевладѣнія. Представителямъ этой общественной группы были болѣе или менѣе чужды крайности русскаго интеллигентскаго «завиральнаго» мышленія и міровоззрѣнія, но зато ихъ отличительнымъ свойствомъ (характернымъ для всѣхъ поколѣній верховъ русской общественности эпохи слѣдовавшей за освобожденіемъ крестьянъ) неизмѣнно была своего рода соціально-политическая «мягкотѣлость» и «расплывчатость», если такъ можно выразиться, своего рода соціально-политическая «обезличенность», какъ слѣдствіе, съ одной стороны, длительнаго ихъ отстраненія отъ реальной деревенской дѣйствительности, а съ другой стороны, воздѣйствія на нихъ обуявшей въ концѣ концовъ всю мыслящую Россію интеллигентской идейности.

Эта довольно многочисленная общественная группа, внѣшне сохранившая всѣ замашки добропорядочности и (извините за выраженіе) «комильфотности» былого до-эмансипаціоннаго русскаго дворянства, въ то же время не оказала да и не могла оказать никакого реальнаго противодѣйствія бурному натиску интеллигенціи въ

ковычкахъ на обветшавшую русскую государственность. Не могла эта группа этого сдѣлать, такъ какъ уже давно усвоила, хотя и въ мягкой и умѣренной формѣ, основные лозунги нашей интеллигентской идейности. Словомъ, эта общественная группа, многіе представители которой въ моментъ переворота занимали крупные государственные и общественные посты, состояла изъ людей съ соціальной и политической точки зрѣнія негодныхъ, поелику дряблыхъ, безличныхъ и безвольныхъ. Они сыграли весьма блѣдную, слабую роль въ царской Россіи. Трудно допустить, чтобы та отвѣтственная задача, которая выпадетъ на долю правящихъ классовъ въ послѣбольшевицкой Россіи оказалась имъ по плечу. Вдобавокъ, большинство представителей этой общественной группы успѣли состариться и слишкомъ потрясены всѣмъ совершившимся.

Нѣсколько большія надежды можно возлагать на ближайшее потомство представителей упомянутой общественной группы, на молодежь, глазнымъ образомъ учащуюся и воспитывающуюся за границей. Но и тутъ подъ большимъ сомнѣніемъ, въ какой степени длительное пребываніе этой молодежи внѣ предѣловъ отечества является подходящей школой и подготовкой для будущихъ дѣятелей возстановленія и возрожденія Россіи.

Теперь перейду ко второй, наиболѣе численной группѣ нашей интеллигенціи въ широкомъ смыслѣ этого слова, къ интеллигенціи въ ковычкахъ. Въ связи со всѣмъ мною сказаннымъ ясно, что (оставляя въ сторонѣ второстепенные оттѣнки) въ эту группу надо включить, съ одной стороны, лѣвое крыло нашего дворянства и землевладѣнія, передовыхъ, либеральныхъ земцевъ, думцевъ и дворянъ, а съ другой стороны, тотъ элементъ, который на Западѣ носитъ названіе умственнаго пролетаріата, включая сюда и наше мелкое оппозиціонно-революціонно настроенное чиновничество.

Эта обширная группа — истинный духовный творецъ всего совершившагося. Я назвалъ эту группу «духовнымъ» творцомъ всего совершившагося, такъ какъ «реальнаго» она ничего не творила: она говорила, писала, поддерживала состояніе политическаго броженія и кипѣнія въ странѣ, сознательно или безсознательно подготавливала переворотъ, послѣ переворота формулировала программы изъ такъ назвыаемыхъ пунктовъ и составляла комитеты, но фактически ничего не творила, ни до, ни послѣ переворота. Дѣло дѣлала, активную революціонную работу творила группа активныхъ «нелегальныхъ» революціонныхъ работниковъ (въ союзѣ съ нѣкоторыми своими представителями, нашедшими себѣ мѣсто въ нѣдрахъ только что упомянутой многочисленной «легальной» группы). Неудивитель-

но, что послѣ переворота власть быстро перешла отъ первой многочисленной «легальной» группы, много говорившей и писавшей, да къ этому только и способной, къ менѣе численной, «нелегальной», активной группѣ, людей съ бомбами, прошедшихъ сквозь огонь и воду ссылки, тюрьмы и каторги, людей, привыкшихъ къ дѣйствіямъ, которымъ море политической жизни стояло по колѣна. Для этой то сравнительно малочисленной группы, для террористической интеллигентской эмиграціи наша домашняя, если такъ можно выразиться, «филистерская» интеллингеція въ ковычкахъ (передовое дворянство и умственный пролетаріатъ) и таскала каштаны изъ огня. И вотъ, когда власть окончательно перешла къ этимъ крайнимъ элементамъ, неудивительно, что верховодство въ ихъ средѣ, роль запѣвалъ, закрѣпилось за наиболѣе крайними среди нихъ элементами, т. е. за людьми, наиболѣе въ своей программѣ послѣдовательными, въ своихъ дѣйствіяхъ наиболѣе рѣшительными, боевыми и энергичными, въ силу привычекъ своего нелегальнаго прошлаго наиболѣе въ выборѣ средствъ борьбы беззастѣнчивыми, иначе говоря, за большевиками, т. е. соціалъ-демократами большевицкаго толка.

Но еще до окончательнаго перехода власти въ руки большевиковъ, за краткій медовый мѣсяцъ Русской Революціи вліяніе и власть успѣли постепеннно перекочевать изъ рукъ въ руки, все лѣвѣе и лѣвѣе, отъ тѣхъ, кто давалъ и обѣщалъ меньше, къ тѣмъ, кто давалъ и обѣщалъ больше. Октябристы и К-о наивно таскали каштаны изъ огня для кадетъ, кадеты для соціалъ-революціонеровъ (Керенскій). Наконецъ, эти послѣдніе уступили мѣсто большевикамъ. Дальше итти было некуда.

Большевики въ данный переходный моментъ русской исторіи наиболѣе ярко удовлетворяютъ двѣ основныя черты русской простонародной психики, имя которымъ: въ области соціально-экономической жизни — отвращеніе къ собственности и непониманіе экономической полезности и необходимости состоятельныхъ и культурныхъ элементовъ общества, въ области политической — потребности въ сильной безпощадной власти.

XVIII.

Какая будущность ждетъ только что мною охарактеризованныя общественныя группы: филистерскую, какъ я выразился, группу нашей интеллигенціи въ ковычкахъ, таскавшую каштаны изъ огня въ конечномъ итогѣ для большевиковъ, и этихъ послѣднихъ, воз-

главившихъ, сконструировавшихъ и дисциплинировавшихъ террористическую интеллигентскую эмиграцію, прочно захватившую въ Россіи въ руки кормило правленія?

Мнѣ кажется, что въ связи со всѣмъ сказаннымъ вполнѣ ясно, что наша интеллигенція въ ковычкахъ ярко доказала свою неспособность, какъ общественнаго класса, «пригоданго къ управленію». Идеализированіе мужика, незнакомство съ деревенской жизнью и полное непониманіе истинныхъ ея запросовъ и требованій, тенденція къ разрушенію безъ наличія творческой программы, строго говоря, глубокая невѣжественность при книжности и ходульности соціально-политическихъ взглядовъ — вотъ основныя характерныя черты духовнаго облика нашего интеллигента въ ковычкахъ, на которыхъ, мнѣ кажется, я достаточно долго останавливался въ предыдущемъ изложеніи.

Съ другой стороны, я уже отмѣчалъ, что нашу интеллигенцію невозможно упрекнуть въ отсутствіи безкорыстія, самоотверженности и искренности. Благодаря этимъ высокимъ душевнымъ качествамъ, наша интеллигенція и сыграла въ новѣйшей русской исторіи такую крупную роль, роль, увы! не созидательную, не творческую, а разрушительную.

Что касается ея будущности, то нужно думать, что нашу интеллигенцію въ теперешнемъ ея видѣ въ лицѣ взрослыхъ духовно зрѣлыхъ ея поколѣній въ ближайшемъ будущемъ ждетъ соціально-политическое увяданіе и умираніе и вотъ почему.

Русская интеллигенція (въ ковычкахъ), въ подавляющемъ большинствѣ своихъ представителей политически честная, безкорыстная и искренная, за эти послѣднія семь-восемь лѣтъ пережила крушеніе всѣхъ своихъ идеаловъ. Мечты и иллюзіи ея рушились и она, подобно Пушкинской старухѣ изъ «Сказки о Рыбакѣ и Золотой Рыбкѣ», очутилась передъ разбитымъ корытомъ. Большинство нашихъ интеллигентовъ (въ ковычкахъ), какъ я уже сказалъ, людей честныхъ, искреннихъ и далеко неглупыхъ, этого и не скрываютъ.

Какое практическое значеніе по своимъ послѣдствіямъ можетъ имѣть перемѣна, происшедшая въ психикѣ нашей интеллигенціи? Эта перемѣна носитъ характеръ не мирной эволюціи, постепенно подсказанной и навѣянной жизнью и опытомъ. Ее скорѣе можно сравнить съ бурнымъ переворотомъ, со своего рода катастрофой, съ душевной революціей, которая крушитъ и разбиваетъ. Въ извѣстномъ возрастѣ человѣкъ не мѣняетъ свое міровоззрѣніе безболѣзненно. Изъ подобнаго рода нравственныхъ потрясеній человѣкъ, въ особенности немолодой, честный и искренній, выходитъ нравственно надломлен-

нымъ, изуродованнымъ, съ ослабленной волей, съ утраченнымъ душевнымъ равновѣсіемъ. Все это несомнѣнно, произошло съ подавляющимъ большинствомъ нашей интеллигенціи. Отдѣльные представители этого большинства продолжаютъ еще храбриться, но самое большинство, несомнѣнно, утратило вѣру въ себя. Престижъ нашей интеллигенціи палъ и въ собственныхъ ея глазахъ и въ глазахъ окружающихъ. Но, главное, какъ перейти къ созиданію, къ творчеству послѣ неизгѣнныхъ навыковъ критики и разрушенія да еще послѣ крушенія своихъ политическихъ идеаловъ! Крушеніе идеаловъ, утрата вѣры въ себя — вообще слабый стажъ для перехода отъ критики къ созиданію, къ творческому устраненію реальной жизни и дѣйствительности, а для людей, всегда стоявшихъ далеко отъ реальной дѣйствительности, тѣмъ болѣе.

Вотъ тѣ соображенія, въ силу которыхъ мнѣ кажется, что нельзя смотрѣть на нашу «кающуюся» интеллигенцію въ ея большинствѣ, какъ на творческій, созидательный факторъ въ дѣлѣ будущаго соціально-политическаго возрожденія Россіи.

Но среди нашей интеллигенціи, кромѣ «кающихся» есть и «неисправимые грѣшники», тѣ, которые смотрятъ и не видятъ, слышатъ и не разумѣютъ, словомъ тѣ, которые даже послѣ всего видѣннаго, испытаннаго и пережитаго и не могутъ и не хотятъ плясать иначе, какъ отъ печки прежней интеллигентской завиральности. И этихъ послѣднихъ далеко не всегда можно упрекнуть въ неискренности: умственная близорукость, политическія страсти и досада, самолюбивая гордость слѣпили ихъ духовныя очи.

Если «покаявшіеся» въ будущей Россіи представятъ изъ себя элементъ мало полезный, то «неисправимые» — безусловно вредный. Съ меньшими уже шансами на успѣхъ, но все же съ несомнѣннымъ ущербомъ для умиротворенія и возрожденія страны, они, несомнѣнно, затянутъ прежнюю старую интеллигентскую пѣсню и немало будутъ способствовать затяжному характеру смуты.

Не кризисъ политическій, не кризисъ власти, не кризисъ образа правленія; даже не кризисъ экономическій, не кризисъ собственности; кризисъ общественности, кризисъ высшихъ, мысляшихъ, образованныхъ, правящихъ классовъ, безъ которыхъ ни одна страна, а въ особенности такая некультурная, какъ Россія, обойтись не можетъ — вотъ какъ я охарактеризовалъ по своему основному характеру и результатъ нашу Революцію.

Этотъ кризисъ, эта болѣзнь общественнаго класса, «пригоднаго къ управленію», у насъ сейчасъ почти граничитъ съ его гибелью и трагизмъ, безвыходность создавшагося положенія именно заключает-

ся въ томъ, что переживаемое Россіей лихолѣтіе въ томъ или иномъ видѣ будетъ продолжать тяготѣть надъ Россіей до тѣхъ поръ, пока въ ней не выработается въ той или иной формѣ новый общественный классъ, дѣйствительно, «пригодный къ управленію», не похожій на нашу оскандалившуюся, опростоволосившуюся (извините за выраженіе), самое себя похоронившую интеллигенцію.

Сейчасъ мѣсто этого класса, «пригоднаго къ управленію» у насъ заняли временно большевики. Произошло это вотъ почему. Революція прежнюю власть въ широкомъ смыслѣ этого слова замѣнила пустымъ мѣстомъ. Монархія, помѣщики, самые интеллигенты, подготовившіе революцію, а затѣмъ оказавшіеся неспособными управлять народными массами и событіями, постепенно стушевались и исчезли съ арены соціально-политической жизни и борьбы. Страна впала въ анархію, изъ которой ее вывели на путь «порядка» большевики. Два фактора въ дѣятельности большевиковъ сдѣлали для нихъ доступнымъ и осуществимымъ первоначальный захватъ кормила правленія, а затѣмъ и длительное у него пребываніе. Ихъ революціонность и отрицаніе собственности, стяжавшія имъ популярность въ революціонизованныхъ русскихъ народныхъ массахъ, съ одной стороны, а съ другой, желѣзная воля, безпощадня энергія, выработанныя и закаленныя предшествующей жизнью въ этихъ отчаянныхъ, прошедшихъ черезъ тяжкія житейскія испытанія, на все готовыхъ людяхъ — качества, давшія имъ возможность захватить и крѣпко держать въ своихъ рукахъ привыкшія къ подчиненію русскія народныя массы.

XIX.

Итакъ, вотъ два фактора русскаго большевизма, отвѣчающіе одинъ — настроенію современныхъ русскихъ народныхъ массъ, а другой — ихъ потребностямъ и характеру: революціонность большевиковъ и ихъ суровые безпощадные методы управленія.

Въ дальнѣйшей эволюціи большевизма, совершающейся на нашихъ глазахъ, эти два фактора «правящаго» большевизма въ отношеніи своей роли, значенія и характера подверглись значительнымъ измѣненіямъ. Смѣшно было бы отрицать искренность и идейность большевиковъ, какъ и всѣхъ нашихъ революціонеровъ террористовъ, въ ихъ первоначальной революціонной и коммунистической дѣятельности. Но длительность и ужасы борьбы, завязавшейся между русскими террористами и царскимъ правительствомъ, усло-

вія суровой дисциплины и безпрекословнаго подчиненія, безъ которыхъ не можетъ долго держаться ни одна заговорщицкая организація, постепено развили и укрѣпили въ нихъ, въ особенности въ ихъ вожакахъ, такія душевныя свойства, какъ жажду побѣды, жажду успѣха, а затѣмъ и жажду власти и господства. Эти чувства нашли для своего удовлетворенія богатую пищу въ такой странѣ, какъ Россія, и среди такого народа, какъ русскій.

Власть безграничная, власть безконтрольная, какъ извѣстно, портитъ, развращаетъ самыхъ лучшихъ людей, тѣмъ болѣе такихъ беззастѣнчивыхъ, неразборчивыхъ въ средствахъ, какъ большевики. Съ другой стороны, близкое соприкосновеніе съ реальной житейской дѣйствительностью, съ истинными потребностями коллосальнаго народнаго организма, очутившагося въ ихъ власти, не могло не оказать своего воздѣйствія на идеологію большевиковъ, не могло не ослабить въ нихъ вѣру въ жизненность и осуществимость ихъ соціалистической и коммунистической программы. Ихъ идеологія постепенно потускнѣла и ослабѣла, но чѣмъ болѣе большинство изъ нихъ входило во вкусъ, втягивалось въ привычки власти, тѣмъ менѣе это ихъ озабочивало. Изъ прежнихъ фанатиковъ и мучениковъ идеи постепенно выработались политическіе узурпаторы, авантюристы, привыкшіе къ власти, дорожащіе ею, крѣпко вцѣпившіеся въ кормило правленія, до котораго ихъ довелъ путемъ тяжкихъ мытарствъ и испытаній ихъ революціонный террористическій закалъ и опытъ, въ теперешнемъ ихъ положеніи оказавшійся для нихъ наилучшей защитой и страховкой отъ всякихъ превратностей судьбы.

Завладѣвъ Россіей, сдѣлавъ ее «своею вещью», большевики, несомнѣнно, заинтересовались ею (нельзя же, наконецъ, отказать имъ въ чувствѣ любви къ родинѣ!). Желая ей добра, какъ «своему имуществу», многіе изъ большевиковъ въ душѣ не прочь бы вернуться, съ точки зрѣнія организаціи экономической жизни, къ старому, но личные шкурные интересы имъ этого не позволяютъ и не могутъ позволить. Такая перемѣна лишала бы raison d'être самое ихъ существованіе и, вдобавокъ, открыла бы дорогу всѣмъ ими устраненнымъ элементамъ, у которыхъ съ ними счеты, которые едва ли могутъ быть сведены примиреніемъ.

Вдобавокъ, коммунизмъ нуженъ большевикамъ, какъ прикрашенный показной рекламный фасадъ ихъ государственнаго зданія. Коммунизмъ, несомнѣнно, еще не утратилъ своего обаянія на народныя массы, какъ на ту ихъ, меньшую часть, на которую большевизмъ опирается, какъ на боевую силу, такъ и на большую часть, главнымъ образомъ крестьянство, которое тѣмъ благодушнѣй и терпѣливѣй

несетъ иго коммунизма, чѣмъ меньше видитъ дѣйствительное его осуществленіе на практикѣ у себя въ деревнѣ.

Наконецъ, коммунизмъ нуженъ большевикамъ, какъ пугало въ области международной политики для укрѣпленія ихъ международнаго положенія. Иначе говоря, въ теперешней коммунистической дѣятельности большевиковъ много лицемѣрія.

Времена мѣняются, но событія исторіи повторяются. Оставляя въ сторонѣ всю ту разницу въ обстановкѣ и подробностяхъ, которыя вноситъ эпоха, уровень культуры и національныя особенности, развѣ мы не видимъ въ прошломъ образчикъ такого же идеологическаго лицемѣрія въ образѣ Наполеона I-го, провозглашавшаго себя носителемъ и распространителемъ «освободительныхъ и великодушныхъ» идей Французской Революціи, а на самомъ дѣлѣ дѣйствавшаго лишь въ интересахъ личнаго деспотизма и честолюбія и воинственныхъ славолюбивыхъ инстинктовъ французовъ! А между тѣмъ лицемѣрныя заявленія Наполеона какъ бы гипнотизировали внутри страны еще не оправившихся отъ революціоннаго дурмана французовъ, а внѣ ея иноземныя оппозиціонныя либеральныя «интеллигенціи» (употребляю нашъ русскій терминъ), въ особенности въ такихъ странахъ, какъ Италія и Германія.

Долго ли продержатся большевики у власти? Кто можетъ сейчасъ на это отвѣтить? Въ жизни какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и народовъ столько непредвидѣнныхъ случайностей! Но оставляя въ сторонѣ случайности, надо сказать, что смерть большевизма можетъ наступить или отъ причинъ внутреннихъ, если большевизмъ самъ себя изживетъ, иначе говоря, сойдутъ со сцены теперешніе его энергичные представители и будутъ замѣнены болѣе дряблымъ поколѣніемъ, или отъ причинъ, лежащихъ внѣ большевизма, отъ нарожденія новаго общественнаго класса, способнаго взять власть въ свои руки. Какъ видно изъ предыдущаго изложенія, вопросъ о возможности и времени возникновенія такого общественнаго класса самый больной и темный вопросъ нашего будущаго. Онъ гораздо менѣе ясенъ и несравненно болѣе болѣзненъ, чѣмъ другой вопросъ нашей государственности — вопросъ о возстановленіи монархіи.*)

---

*) Говоря о будущности большевизма, я за недостаткомъ времени и мѣста не коснулся вопроса о сотрудничествѣ съ большевиками значительной части русскихъ евреевъ, этого ловкаго, энергичнаго и сплоченнаго народа. Союзъ евреевъ съ большевиками далъ этимъ послѣднимъ значительную долю выдержки и спаянности и весьма осложнилъ вопросъ о будущности большевизма.

XX.

Въ предыдущихъ строкахъ, говоря о переживаемой сейчасъ нашимъ отечествомъ эпохѣ, я употреблялъ два выраженія: междуцарствіе и лихолѣтіе. Изъ этихъ двухъ понятій — междуцарствіе и лихолѣтіе — «лихолѣтіе» по своему объему шире «междуцарствія». Подъ «лихолѣтіемъ» русскій народъ разумѣетъ переходную пору страданій, выпадающихъ на долю народа внѣ зависимости отъ того или иного образа правленія, а въ связи съ переживаемыми государствомъ затяжными бѣдствіями, въ особенности тѣми, которыя вызваны какимъ-либо острымъ соціально-политическимъ кризисомъ. Примѣняя эту терминологію къ настоящему историческому моменту, можно сказать, что междуцарствіе у насъ можетъ прекратиться, а лихолѣтіе всетаки продолжаться, несмотря на возстановленіе монархіи, если только эта послѣдняя не будетъ въ силахъ сама по себѣ разрѣшить соціально-политическій кризисъ, возникшій у насъ вслѣдствіе отсутствія общественнаго класса, дѣйствительно «пригоднаго къ управленію». Но прекратится ли у насъ лихолѣтіе съ возстановленіемъ монархіи или же пріобрѣтетъ затяжной характеръ, въ самомъ фактѣ возстановленія у насъ монархіи, рано ли поздно ли, сомнѣваться не приходиться и вотъ почему.

Идея монархіи относится къ категоріи идей, въ которыхъ чувство преобладаетъ надъ разсудкомъ. Такого рода идеи отвѣчаютъ въ большей степени потребностямъ человѣческаго сердца, нежели разсудка. Въ этомъ ихъ сила, въ этомъ залогъ ихъ большей живучести и упорства. Дѣло въ томъ, что не требованія разсудка, а велѣнія сердца болѣе властны надъ человѣкомъ, въ особенности надъ человѣкомъ въ его собирательной совокупности. Недостаточная логическая обоснованность идей, подобныхъ монархической, нисколько не вредитъ, а скорѣе способствуетъ ихъ живучести и упорству, придавая имъ характеръ не убѣжденій, а вѣрованій. Идея монархіи удовлетворяетъ несказанной потребности человѣка, въ особенности простого, воплощать въ реальномъ, чувственномъ образѣ, тѣмъ болѣе привлекательномъ, чѣмъ онъ болѣе отъ насъ удаленъ, тѣ начала правды и справедливости, проявленій которыхъ мы, увы! не видимъ или слишкомъ мало видимъ въ окружающей насъ близкой дѣйствительности.

Отнюдь не впадая въ нѣкій монархическій мистицизмъ, можно сказать, что въ этомъ отношеніи у идеи монархической много общаго

съ идеей о Богѣ. Нѣтъ идеи менѣе доказанной, менѣе поддающейся провѣркѣ и контролю и въ то же время болѣе живучей и упорной, чѣмъ идея о Богѣ. «Бога никтоже видѣ нигдѣже», говоритъ Священное Писаніе. Съ другой стороны, нѣтъ идеи, которая въ теченіе долгаго ряда столѣтій подвергалась бы такой настойчивой отрицательной критикѣ и нападкамъ со стороны всякихъ мыслителей: атеистовъ, матеріалистовъ, эволюціонистовъ и тому подобныхъ, и однако же идея о Богѣ попрежнему продолжаетъ упорно жить въ сердцахъ подавляющаго большинства людей, поскольку она отвѣчаетъ неискоренимой потребности человѣческой души вѣрить въ свое безсмертіе и связанныя съ нимъ начала высшей справедливости.

Идея монархическая, вѣра въ благодѣтельность и спасительность монархіи, приверженность и преданность государямъ, передаваясь въ теченіе долгаго ряда столѣтій изъ поколѣнія въ поколѣніе, закрѣпляясь путемъ наслѣдственности, преемственности и привычки, постепенно какъ бы пріобрѣла у цѣлаго ряда народовъ характеръ, значеніе и упорство нѣкоего основного свойства народной, въ особенности простонародной, души.

Вырвать монархическое чувство изъ тайниковъ народной психики нелегко. Этому чувству, чтобы окончательно вывѣтриться, даже у такого раціоналистически и матеріалистически настроеннаго народа, какъ французы, все же понадобилось, несмотря на разрушительную идейную работу Революціи 1789-го года, болѣе столѣтія. Пять человѣческихъ поколѣній сошли въ могилу, прежде чѣмъ французскимъ республиканцамъ, путемъ длительной упорной работы, удалось развѣнчать монархію и окончательно уронить ея престижъ въ глазахъ народныхъ, и то въ 1873-мъ году въ моментъ отказа графа Шамборскаго и въ 1889-мъ году при генералѣ Буланже Франція стояла наканунѣ возстановленія въ ней монархіи.

Что касается Англіи и Германіи, странъ, не менѣе культурныхъ, чѣмъ Франція, но зато по духу менѣе матеріалистически и болѣе аристократически настроенныхъ , странъ, въ высшей степени дорожащихъ традиціями прошлаго, то въ нихъ приверженность и преданность монархіи до сихъ поръ упорно держатся.

Въ отношеніи нашего отечества цѣлый рядъ соображеній властно говоритъ за то, что монархіи у насъ еще предстоитъ роль, по значенію своему весьма выдающаяся, а по продолжительности весьма длительная.

XXI.

Въ предыдущемъ изложеніи я уже касался вопроса объ исключительномъ значеніи монархіи въ прошлыхъ судьбахъ Россіи. Давнишняя у насъ централизація власти, недостатокъ на мѣстахъ въ достаточной степени вліятельныхъ общественныхъ элементовъ, способныхъ хоть сколько нибудь и хоть въ чемъ нибудь соперничать съ центральной властью, исключительная экономическая и культурная однородность страны—все это способствовало у насъ чрезвычайному росту авторитета и престижа центральной, иначе говоря, монархической власти. Въ связи съ этимъ не удивительно, если всѣ тѣ чувства довѣрія, любви и преданности верховной власти, на которыя способенъ народъ въ присущей ему исконной склонности къ привязанности монархической идеѣ, у насъ не дробились, какъ на феодальномъ Западѣ, а сосредоточивались въ лицѣ Государя, чрезвычайно, вслѣдствіе этого, выигрывая въ глубинѣ и силѣ.

Разыгравшіяся на нашихъ глазахъ революціонныя событія и переживаемое нами междуцарствіе не подняли, а значительно понизили уровень благополучія народныхъ массъ, а потому едвали ослабили въ нихъ вѣру въ спасительность монархіи.

Россія привыкла къ централизаціи и дальнѣйшая ея политическая эволюція неизбѣжно будетъ проходить подъ тѣмъ же лозунгомъ сосредоточенія власти въ центрѣ по той простой причинѣ, что для децентрализаціи, а тѣмъ болѣе для построенія государства на началахъ федераціи необходимо наличіе достаточно численныхъ культурныхъ творческихъ общественныхъ силъ на мѣстахъ, наличіе, безъ котораго при федераціи несравненно труднѣе обойтись, чѣмъ при централизаціи, а у насъ и при централизаціи то, какъ мы видѣли, была значительная недохватка, какъ въ центрѣ, такъ и на мѣстахъ, въ культурныхъ общественныхъ силахъ, дѣйствительно «пригодныхъ къ упрвленію». Наконецъ, для построенія государства на началахъ федераціи есть достаточно основаній въ странахъ съ яркими особенностями отдѣльныхъ ихъ частей, а не въ такой странѣ, какъ Россія, на огромныхъ своихъ пространствахъ отличающейся удивительной экономической, культурной и даже племенной однородностью.

Итакъ Россіи и привычно и свойственно и естественно жить на началахъ централизаціи, будь то при большевикахъ, будь то послѣ ихъ паденія по водвореніи вновь монархической власти.

Хищнически—насильническій режимъ большевиковъ не можетъ держаться до безконечности. Послѣ его паденія Россіи, наконецъ,

суждено будетъ возвращеніе къ началамъ нравственности, терпимости и свободы, хотя бы относительной. При свойственности, скажу больше, при необходимости, при неизбѣжности для Россіи сильной центральной власти естественно, чтобы русскій народъ, хотя бы послѣ ряда тягостныхъ для него и страны, болѣе или менѣе длительныхъ соціально-политическихъ исканій и блужданій, вернулся къ власти, которой единственно онъ привыкъ довѣрять, власти монархической, и предпочелъ бы ее кучкѣ ему неизвѣстныхъ, ничего не говорящихъ его уму и сердцу, не внушающихъ ему довѣрія политикановъ.

Но помимо соображеній соціальныхъ и политическихъ за неизбѣжность возстановленія въ Россіи монархіи говорятъ еше и свойства и особенности русской народной психики и русскаго народнаго характера.

Я уже развивалъ ту мысль, что источникомъ приверженности монархической идеѣ является не столько разсудокъ, сколько чувство. Между тѣмъ именно въ психикѣ русскаго чеолвѣка и, какъ слѣдствіе этой психики, и въ его дѣятельности приходится отмѣтить несомнѣнное преобладаніе чувства надъ разсудкомъ. Это та особенность, которая сильнѣе всего бросается въ глаза со стороны, а потому давно уже подмѣчена иностранцами и отмѣчена ими въ ихъ изслѣдованіяхъ о Россіи.

О русскихъ давно принято говорить, что они большіе фаталисты и мистики, и въ этой характеристикѣ большая доля правды. Понятно, въ данномъ случаѣ подъ выраженіями «фатализмъ» и «мистицизмъ» не приходится понимать догматически-религіозныхъ терминовъ. Русскіе отнюдь не исповѣдуютъ ни фатализма, подобно мусульманнамъ, ни мистицизма, подобно какимъ нибудь религіознымъ сектантамъ.

Фатализмъ и мистицизмъ въ данномъ случаѣ лишь наиболѣе подходящія выраженія для характеристики того особаго душевнаго направленія, того особаго душевнаго склада, той особой душевной склонности, въ силу которой русскій человѣкъ готовъ слѣпо слушаться своего чувства, всецѣло ввѣряться своему чувству тамъ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ представители иной расы, въ особенности разсудочные западно-европейцы, исключительно руководятся велѣніями и указаніями своего разсудка.

Никто, въ связи съ тѣмъ, что говоритъ ему сердце, такъ охотно не ввѣряется слѣпому случаю, такъ охотно не отдается своей судьбѣ, какъ русскій, и въ то же время никто не способенъ столь пассивностойко, столь равнодушно - мужественно, какъ русскій, нести на себѣ тяжесть ударовъ и бѣдствій, посылаемыхъ ему перемѣнчивымъ

счастьемъ, непостоянной судьбой, ударовъ и бѣдствій, въ которыхъ русскій всегда готовъ и склоненъ видѣть вмѣшательство и участіе силъ, внѣ его и надъ нимъ стоящихъ, отъ него не зависящихъ, въ отношеніи которыхъ онъ безсиленъ, съ которыми подѣлать ничего нельзя.

Выработавшееся и закрѣпившееся въ характерѣ русскаго человѣка фаталистическое отношеніе ко всему съ нимъ происходящему естественнымъ слѣдствіемъ своимъ имѣло и ту психическую особенность въ его міровоззрѣніи, которую иностранцы окрестили названіемъ мистицизма и которая состоитъ въ склонности русскихъ объяснять событія своей жизни причинами, какъ бы неосязаемыми, необъяснимыми, а потому сплошь да рядомъ какъ бы сверхъестественными.

Такимъ образомъ, русская народная психика со свойственной ей склонностью объясненія событій и явленій нашей жизни причинами, стоящими внѣ воздѣйствія нашей воли, подчасъ даже причинами сверхъестественными, даже помимо условій нашего соціально-политическаго прошлаго, представляетъ изъ себя крайне благодарную, въ полномъ смыслѣ слова благодатную почву для внѣдренія и укрѣпленія въ народномъ сознаніи такой чувственной, фаталистически-мистической идеи, какой въ основныхъ своихъ чертахъ является идея монархическая.

Царь въ глазахъ русскаго человѣка всегда являлся и, вѣроятно, еще надолго останется земнымъ чуственнымъ воплощеніемъ той судьбы, отъ которой не уйдешь, сочетаніемъ, своего рода житейскимъ фокусамъ, сосредоточіемъ тѣхъ внѣ нашей воли стоящихъ силъ, которыя здѣсь, на землѣ, строятъ нашу жизнь и счастіе.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что, въ силу цѣлаго ряда весьма вѣскихъ соображеній, нельзя не вѣрить въ будущность монархіи въ Россіи. Эти соображенія, если ихъ подъитожить, слѣдующія: традиціонность сильной центральной власти въ Россіи, историческая необходимость этой власти, еще болѣе подкрѣпляемая полнымъ отсутствіемъ въ Россіи иныхъ общественныхъ элементовъ, которымъ довѣряли бы народныя массы, а также соціально-политической недѣеспособностью этихъ массъ, наконецъ, last but not least, русская народная психика, болѣе чѣмъ гдѣ либо благопріятная монархической идеѣ, можно сказать, властно требующая возстановленія монархіи.

XXII.

Итакъ, мнѣ кажется, возстановленіе въ Россіи монархіи неизбѣжно. Когда оно произойдетъ, предсказать трудно. Несмотря на то, что устои монархической идеи въ тайникахъ русской народной души не могутъ не быть прочны и глубоки, слишкомъ велика пассивность русскихъ народныхъ массъ, а съ другой стороны слишкомъ велико засиліе такого еще невиданнаго въ цивилизованномъ мірѣ и неслыханнаго по своей жестокости правительственнаго режима, какъ большевицкій, чтобы можно было расчитывать въ ближайшемъ будущемъ на какія либо политическія перемѣны въ Россіи. Говорить поэтому теперь о времени и способахъ возстановленія у насъ монархіи не приходится.

Но тѣмъ нашимъ соотечественникамъ, которые являются сторонниками у насъ монархіи, въ особености же тѣмъ изъ нихъ, которые возглавляютъ монархическое движеніе и такъ или иначе могутъ вліять на будущее монархіи въ Россіи, мнѣ кажется, слѣдовало бы имѣть въ виду слѣдующее.

Тѣмъ, кто дорожитъ идей монархіи, тѣмъ, кто видитъ въ монархіи высшее воплощеніе въ глазахъ народныхъ идеи правды и справедливости, надо всѣ свои усилія, всѣ свои старанія направить къ тому, чтобы монархія при своемъ возстановленіи въ Россіи была поставлена въ такія условія, при которыхъ немыслимо было бы ея опороченіе, именно какъ высшаго источника правды на землѣ.

Въ заголовкѣ этого очерка въ качествѣ эпиграфа(хотя и не въ тѣхъ цѣльяхъ, въ котроыхъ я сейчасъ его касаюсь) я поставилъ афоризмъ великаго знатока русской народной души И. С. Тургенева о томъ, какъ уважаетъ, какъ сочувствуетъ русскій человѣкъ правдѣ. И вотъ высшее олицетвореніе этой правды въ Русской Землѣ, Государь, не долженъ быть поставленъ въ такія условія своего политическаго существованія, при которыхъ ему, высшему носителю правды на землѣ, приходилось бы лгать и лицемѣрить. А между тѣмъ будущему Государю неизбѣжно придется въ интересахъ той же Россіи стать на путь политической лжи и обмана въ томъ случаѣ, если монархическая власть при возстановленіи своемъ въ Россіи будетъ поставлена въ условія, связывающія и ограничивающія въ чемъ-нибудь ея свободное проявленіе.

И это не потому, чтобы монархической власти, а въ особенности русской, не свойственно и не естественно было ошибаться (еще какъ

да какъ ужасно!), а потому, что въ условіяхъ будущаго возстановленія монархической власти въ Россіи, послѣ всего и всего происшедшаго, послѣ крушенія и развала мыслящихъ правящихъ классовъ въ Россіи, послѣ ужасныхъ соціальныхъ и психилогическихъ экспериментовъ, произведенныхъ надъ русскими народными массами, рѣшительно невозможно предвидѣть и хотя бы самымъ отдаленнымъ способомъ опредѣлить въ какія подходящія формы можетъ и долженъ вылиться образъ правленія будущей возстановленной въ Россіи монархіи.

Связать будущаго русскаго монарха при вступленіи его на престолъ какой либо ограничивающей его верховныя права конституціей, какъ бы осмотрительно, какъ бы хитроумно эта контистуція ни была выработана какими-либо конституціоналистами или иными политическими умниками, значило бы заранѣе посягнуть у насъ на чистоту и моральную неуязвимость монархическаго принципа,значило бы толкнуть возстановленнаго на престолѣ предковъ русскаго вѣнценосца на путь насилія и лжи, на путь государственныхъ переворотовъ, неизбѣжныхъ вслѣдствіе несоотвѣтствія (а на это 99 шансовъ изо 100) навязанной ему нашими интеллигентскими умниками писаной конституціи, несоотвѣтствія ея настойчивымъ требованіямъ и запросамъ реальной житейской дѣйствительности.

Изъ всего содержанія этого очерка, мнѣ кажется, явствуетъ, что Русскую Революцію и по причинамъ своимъ, и по теченію и по результатамъ слѣдуетъ разсматривать, какъ явленіе или рядъ явленій, вытекающихъ изъ соціально-политическаго недуга, соціально-политической хвори нашихъ интеллигентныхъ мыслящихъ общественныхъ классовъ. Какъ же этимъ соціально-политически больнымъ общественнымъ элементамъ или ихъ остаткамъ диктовать свою волю Государю, волю, вдобавокъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, недостаточно обоснованную, неосмысленную и, слѣдовательно, произвольную? Какъ имъ предрѣшать и предопредѣлять границы, рамки и пути, въ которыхъ и по которымъ потечетъ творческая дѣятельность единственнаго сохранившаго свой авторитетъ въ народномъ сознаніи фактора нашей государственности — монарха?!

Что и говорить! Соціальныя и политическія заданія, предстоящія этому будущему монарху, по своей ширинѣ и трудностямъ огромныя. Русская соціальная и политическая жизнь, благодаря всему происшедшему, какъ, мнѣ кажется, я доказалъ въ этомъ очеркѣ, снова и притомъ уже не въ первый разъ въ русской исторіи сведена къ,своимъ основнымъ элементамъ — Царь и народъ. На лицо идея (монархъ) и строительный матеріалъ (народъ), но гдѣ строители,

сколько ихъ и понимаютъ ли они и смыслятъ ли въ своемъ дѣлѣ? Вотъ вопросъ. Отъ того или иного, болѣе или менѣе быстраго или медленнаго разрѣшенія этого вопроса, разрѣшенія его грядущими событіями, зависитъ будущность, зависитъ внутренее благополучіе Россіи, а въ связи съ этимъ и ея внѣшніе успѣхи, ея положеніе въ международной жизни.

Изъ сказаннаго видно, какихъ только выдающихся умственныхъ и нравственныхъ качествъ не потребуетъ политическая жизнь отъ будущаго русскаго монарха! Однако, быть можетъ, не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ! Возможно, что при извѣстныхъ условіяхъ эти жизненные запросы будущему Царю могутъ оказаться не столь чрезмѣрными, не столь тяжелыми и недосягаемыми, какъ на первый взглядъ кажется.

При изученіи историческаго прошлаго самъ собою напрашивается выводъ, что по своимъ плодамъ, по отдаленнымъ и длительнымъ результатамъ и послѣдствіямъ наименѣе удачной оказалась дѣятельность такъ называемыхъ «великихъ, геніальныхъ» абсолютистскихъ государей. Таковы были, скажемъ, Людовикъ XIV-й, Петръ Великій, Наполеонъ. Безпристрастная Исторія развѣяла окружавшій ихъ нимбъ, раскрыла всѣ ихъ грубыя, по большей части непоправимыя ошибки, чреватыя самыми печальными послѣдствіями. И это вполнѣ понятно. Одинокому, своенравному, ни съ чѣмъ не считающемуся властному уму ошибаться и заблуждаться легче, чѣмъ кому-либо. Если при этомъ властитель одаренъ желѣзной волей и выдающимися способностями, тѣмъ хуже: тѣмъ глубже и шире будутъ проведены въ жизнь ввѣреннаго ему судьбой народа его ошибочные одностороніе взгляды. Яркое этому подтвержденіе — дѣятельность Петра Великаго.

Тамъ, гдѣ условія соціально-политической жизни требуютъ активной роли монарха, наиболѣе удачными съ точки зрѣнія цѣлесообразности ихъ дѣятельности являются государи, хотя и не отличающіеся особенно блестящими личными способностями и дарованіями, но зато умѣющіе выбирать себѣ дѣльныхъ помощниковъ и совѣтниковъ, а главное, умѣющіе ихъ слушать и, horribile dictu, умѣющіе имъ «подчиняться», часто неохотно, но вполнѣ сознательно, въ интересахъ государственной пользы. Таковъ была въ свое время Людовикъ XII!-й, сумѣвшій замѣнить себя талантливымъ кардиналомъ Ришелье. Таковъ былъ еще на нашихъ глазахъ, честный но умственно ограниченный Вильгельмъ I-й, сумѣвшій выбрать геніальнаго Бисмарка, подчиниться ему и сознательно вынести до конца,

ради интересовъ государства, этого тяжелаго въ обращеніи и властнаго человѣка.

Самый неудачный типъ самодержца, увы! представлялъ изъ себя несчастный Николай II-й, котораго Судьба послала намъ въ самую тяжелую пору нашей Исторіи. Прекрасный человѣкъ, но безличный и безвольный, вдобавокъ, не умѣющій выбирать людей и въ то же время при своей безхарактерности и политической блѣдности не желающій никому подчиниться. Какъ извѣстно, единственнымъ удачнымъ его выборомъ былъ покойный П. А. Столыпинъ, но извѣстно также, что Николай II-й очень скоро сталъ тяготиться этимъ своимъ сотрудникомъ, которому нельзя было не подчиняться.

Итакъ, личность перваго послѣ междуцарствія монарха въ Россіи пріобрѣтаетъ огромное значеніе. Одной изъ слабыхъ сторонъ нашихъ прежнихъ государей (въ частности именно Николая II-го) было недостаточное ими знаніе жизни, реальной дѣйствительности, вслѣдствіе недостатковъ ихъ воспитанія.

Нужно надѣяться, что нынѣ здравствующіе представители Царственнаго Дома Романовыхъ и прежде всего тотъ изъ нихъ, котораго наши основные законы — «Учрежденіе о Императорской Фамиліи» — призовутъ на Прородительскій Престолъ, вернутся на Родину изъ тягостнаго изгнанія, подобно Людовику XVIII-му, съ болѣе широкимъ, чѣмъ прежде, знаніемъ жизни и съ болѣе глубокимъ пониманіемъ людей.

Самая тяжелая сторона въ дѣятельности абсолютистскаго монарха, это — его чувство высокой нравственной отвѣтственности передъ собой и передъ страной за результаты его юридически ничѣмъ въ своихъ проявленіяхъ не ограничиваемой государственной дѣятельности. Въ этомъ отношеніи народное представительство, раздѣляющее съ нимъ бремя нравственной отвѣтственности, является большимъ моральнымъ облегченіемъ для монарха и его правительства.

Съ другой стороны, какъ я уже говорилъ, представительныя учрежденія служатъ полезной политической школой для образованныхъ, интересующихся политикой , общественныхъ классовъ, а также играютъ роль своего рода предохранительнаго клапана, черезъ который разрѣжаются и какъ бы испаряются черезчуръ сгустившіяся политическія страсти.

Я уже указывалъ на причины, въ силу которыхъ, на мой взглядъ, невозможно связывать волю будущаго Русскаго Монарха при его вступленіи на престолъ какой либо писаной конституціей. Но, съ другой стороны, благоразуміе и правильно понятый государственный интересъ властно указываютъ будущему Русскому Монарху на не-

обходимость при вступленіи на престолъ торжественно возвѣстить народу свою непреклонную и дѣйствительно искреннюю, нелицѣмерную волю даровать народное представительство, какъ только это позволятъ обстоятельства: умиротвореніе страны, уясненіе ея положенія и наличіе общественныхъ элементовъ, дѣйствительно годныхъ для представительства.

XXIII.

Вопросъ о будущности нашего крестьянства и простъ и сложенъ въ то же время. Онъ простъ въ отношеніи ясности своихъ заданій и сложенъ въ силу трудности ихъ осуществленія и проведенія въ жизнь.

Несомнѣнно, что все, что недавно произошло и сейчасъ происходитъ въ Россіи, менѣе всего отразилось на положеніи и психикѣ нашего крестьянства.

Объ основныя черты психики нашего крестьянства остались неизмѣнны. Его міровоззрѣніе, міровоззрѣніе человѣка, чуждаго нравственныхъ и правовыхъ устоевъ, связанныхъ съ проникновеніемъ въ жизнь началъ собственности, осталось прежнимъ. Какъ я уже на это указывалъ выше, всѣ эксцессы Революціи, въ которыхъ онъ учавствовалъ и которые для собственника-западно-европейца означали бы глубокое нравственное паденіе, для нашего крестьянина являлись лишь проявленіемъ, лишнимъ доказательствомъ той низкой культурной стадіи экономическаго и культурнаго развитія, на которой онъ сейчасъ еще находится. Большевизмъ, какъ экономическое ученіе, не могъ произвести серьезныхъ измѣненій въ нравственно-правовомъ душевномъ укладѣ нашего крестьянина. Этотъ укладъ и его будущая эволюція, въ которой отчаиваться нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній, всецѣло зависятъ не отъ той или иной пропаганды, какая бы она ни была, самая развращающая или же, наоборотъ, самая возвышенная, а исключительно отъ того, въ какой степени, сколь глубоко и сколь широко будутъ проведены въ жизнь нашего крестьянина цивилизующія и морализующія начала собственности.

Другая основная черта психики нашего простолюдина, его привычка безпрекословнаго подчиненія велѣніямъ центральной верховной власти, его душевная потребность въ центральной и притомъ именно сильной власти, тоже, повидимому, осталась прежней. Есть даже основанія думать, что большевизмъ еще болѣе развилъ и укрѣпилъ въ нашемъ народѣ эту основную, при томъ весьма цѣнную

для народа, находящагося въ положеніи русскаго, черту его характера, я разумѣю его привычку и потребность подчиненія.

Дѣло въ томъ, что наша недавняя власть, хоть и законная, хоть и освященная и традиціей и временемъ и довѣріемъ къ ней народа, уже давно утратила вѣру въ себя и, если такъ можно выразиться, раскисла, а потому во всемъ въ отношеніи народа дѣйствовала вяло и нерѣшительно, проявляла большую дряблость. Наоборотъ, большевики взяли народъ, какъ говорится въ ежевыя руковицы безпощадной субординаціи и ведутъ его, куда имъ нужно, съ суровой неукоснительной энергіей. Такимъ образомъ, монархія, когда она вернется въ Россію, вѣроятно, найдетъ такой же готовый подчиняться и даже жаждущій подчиненія народъ, какой она покинула.

Какъ видите, монархія снова обрѣтетъ въ нашемъ крестьянствѣ строительный матеріалъ, хоть и по прежнему сырой, но по прежнему весьма и весьма годный для прочнаго государственнаго строительства. Самый планъ и характеръ этого будущаго основного государственнаго строительства опредѣлить и выяснить послѣ всего происшедшего и въ связи со всѣмъ происшедшимъ тоже будетъ нетрудно. Сложность вопроса попрежнему будетъ заключаться въ томъ, гдѣ же строители, довольно ли ихъ и насколько пригодны они для той задачи, которая выпадаетъ на ихъ долю, иначе говоря, есть ли у насъ на лицо правящій классъ и дѣйствительно ли онъ «пригоденъ къ управленію»?

Всякій читающій эти строки, въ связи со всѣми предыдущими разсужденіями этого очерка, я думаю, понимаетъ , что я разумѣю подъ предстоящимъ будущей монархіи основнымъ вопросомъ государственнаго строительства. Это — вопросъ крестьянскій, вопросъ земельный.

Покуда русскія крестьянскія массы не будутъ дѣйствительно введены въ кругъ западно-европейской культуры, покоящейся на началахъ собственности, и сопряженныхъ съ ней духовныхъ и матеріальныхъ благъ, до тѣхъ поръ немыслимо внутреннее экономическое и духовное благополучіе Россіи, до тѣхъ поръ невозможно ея внутреннее успокоеніе, а въ связи съ этимъ не можетъ быть и рѣчи о спокойномъ и достойномъ представительствѣ интересовъ Россіи въ области международной жизни и политики.

Крестьянскій вопросъ, земельный вопросъ, это — рычагъ, на которомъ вертится Россія, и въ то же время это ея ахиллесова пята. Трудности его, какъ я уже указывалъ, во-первыхъ, въ отсутствіи трезво смотрящихъ на вещи руководительскихъ силъ, а во-вторыхъ, въ запущенности этого вопроса. Въ этомъ отношеніи не сдѣлано

за все время существованія вопрсса, можно сказать,ни одного шага путнаго (если не считать эфемериды — Столыпина). И освобожденіе крестьянъ въ 1861-мъ году и наша Революція и большевики только запутали, осложнили этотъ вопросъ, сдѣлали его въ высшей степени болѣзненнымъ, истощивъ и ослабивъ запущенный русскій народный хозяйственно-экономическій организмъ.

Какими путями будетъ разрѣшенъ вопросъ, сейчасъ предсказать трудно. Одно несомнѣнно: русскій народъ долженъ пройти и притомъ возможно скорѣе ту культурно-земельную эволюцію, которую прошелъ западно-европейскій крестьянинъ, тоже въ свое время знавшій всѣ безобразія земельной общины, тоже бывшій прежде и некультурнымъ и вороватымъ.

Я уже указывалъ въ краткихъ чертахъ, какъ прошла эта эволюція въ Германіи и во Франціи. Едва ли многіе у насъ знаютъ положеніе земельнаго вопроса въ Англіи, очень напоминающее теперешнее наше.

Въ Англіи въ былое время существовала типичная земельная община, точь въ точь наша. Въ силу разныхъ причинъ, на которыхъ, понятно, я останавливаться здѣсь не буду, крестьяне въ Англіи очень рано, а именно еще въ XII-мъ и XIII-мъ столѣтіи были освобождены отъ крѣпостной зависимости приблизительно въ тѣхъ же условіяхъ, какъ наши въ 1861-мъ году, т. е. съ надѣленіемъ ихъ землей и съ сохраненіемъ у нихъ общиннаго земелевладѣнія. Но освобожденные крестьяне оказались неспособными къ самодѣятельности: они еле царапали землю, не умѣли обзавестись ни мертвымъ ни живымъ инвентаремъ и влачили жалкое существованіе. Въ результатѣ вся крестьянская земля въ Англіи изъ рукъ крестьянъ постепенно, главнымъ образомъ въ 17-мъ и 18-мъ столѣтіи, перешла въ руки помѣщиковъ и крестьянское землевладѣніе въ Англіи окончательно исчезло. Кто интересуется этимъ вопросомъ, можетъ съ нимъ ознакомиться по весьма интересной книгѣ германскаго профессора Nasse «Die mittelalterliche Feldgemeinschaft in England» («Средневѣковая Земельная Община въ Англіи») и по сочиненіямъ извѣстнаго англійскаго экономиста, оксфордскаго профессора Торольда Роджерса.

Я не думаю, чтобы русская жизнь являла данныя для разрѣшенія земельнаго вопроса по англійскому образцу. Скорѣе всего вопросъ можетъ быть и долженъ быть разрѣшенъ по нѣмецкимъ методамъ и системѣ, уже однажды съ успѣхомъ у насъ примѣненнымъ при покойномъ П. А. Столыпинѣ. Одно несомнѣнно: наши образованные правящіе общественные классы должны проникнуться мыслью, что для оздоровленія и укрѣпленія Россіи не въ народоправствѣ

дѣло, не въ парламентаризмѣ, федерализмѣ или тому подобномъ, а въ прочномъ, широкомъ и глубокомъ насажденіи въ самой толщѣ народной началъ и принциповъ собственности.

Покуда это не будетъ сдѣлано, не можетъ наступить въ нашей внутренней жизни успокоенія, а покуда наша внутренняя политика будетъ неизмѣнно находиться подъ Дамокловымъ мечемъ народныхъ волненій и смуты, не можетъ быть и рѣчи о твердомъ и систематическомъ осуществленіи задачъ нашей внѣшней политики.

XXIV.

А между тѣмъ никогда еще, какъ результатъ только что пережитой войны, международное положеніе Россіи не было для нея столь благопріятно. Смѣшно, конечно, и говорить о томъ, что, не будь Революціи, наше положеніе было бы еще лучше. Но что же подѣлаешь: у каждаго народа есть свои слабости, а у русскаго народа за послѣднее время въ связи съ ненормальнымъ ходомъ его исторіи выработалась какъ бы монопольная особенность — революціонность! Не будь у русскихъ ихъ революціонности, будь у нихъ больше самодѣятельности и сознательности, Россія, при прочихъ драгоцѣнныхъ чертахъ русскаго народнаго характера, давно заняла бы мѣсто первой на свѣтѣ державы.

Что касается преимуществъ нашего теперешняго международнаго положенія, то они заключаются въ томъ, что, несмотря на ужасы нашей Революціи, наша мощь весьма мало ослаблена, а въ то же время война устранила съ политической арены все, что могло служить серьезнымъ намъ противовѣсомъ.

Русскіе никогда не питали завоевательныхъ замысловъ и едва ли когда либо будутъ ихъ питать, такъ какъ они черезчуръ претятъ нашему національному характеру, но кто и что можетъ помѣшать будущей русской законной, опирающейся на право и нравственность, верховной власти осуществить всѣ естественныя русскія національныя и историческія задачи?

Франція чрезвычайно ослаблена войной, всѣ ея помыслы на очень продолжительное время могутъ быть направлены только на одну цѣль: сохраненіе добытаго путемъ тяжкихъ жертвъ положенія отъ какихъ либо посягательствъ со стороны Германіи.

Съ Россіей у Франціи нѣтъ и не можетъ быть никакихъ серьезныхъ политическихъ треній и между этими двумя странами въ сущ-

ности немыслимы, т. е. были бы черезчуръ противуестественны и безразсудны, какія либо военныя столкновенія.

Германія тоже , какъ и Франція, сильно ослаблена войной, но ея возстановленіе, благодаря увеличивающемуся населенію, происходитъ быстро. Такимъ образомъ не бѣдствія, причиненныя войной непосредственно Германіи, подорвали ея международное положеніе. Колоссальнымъ ударомъ, надолго ослабившемъ военную мощь Германіи, явилось исчезновеніе съ политической арены прежней Австро-Венргіи, поставлявшей Германіи то «пушечное мясо», безъ котораго самая совершенная и утонченная тактика и стратегія остаются безсильны. Такимъ образомъ Германія едва ли сможетъ и, что еще важнѣе, едва ли захочетъ мѣшать намъ въ осуществленіи нашихъ законныхъ задачъ.

Остается Англія, страна, болѣе всего выигравшая отъ войны, обезпечившей ей надолго сохраненіе ея положенія, вслѣдствіе разгрома Германіи. Нужно думать, что Англія не станетъ оказывать Россіи противодѣйствія въ осуществленіи ея естественныхъ національныхъ и историческихъ задачъ. Англичанамъ пора проникнуться мыслью, что между русскими и англичанами нѣтъ и не можетъ быть никакого антагонизма, такъ какъ наше невольное сосѣдство съ Индіей не можетъ и не должно означать, что мы питаемъ какіе либо завоевательные замыслы въ отношеніи этой обширной густонаселенной страны, съ которой мы рѣшительно не знали бы, что дѣлать, если бы она намъ досталась.

XXV.

Итакъ, вотъ выводы, которые, мнѣ кажется, вытекаютъ изъ всего мною сказаннаго.

Несмотря на всѣ ужасы совершившихся и еще нынѣ совершающихся въ Россіи событій, нѣтъ основаній быть пессимистами въ вопросѣ о ея будущности.

Послѣдняя война создала Россіи весьма выгодное международное положеніе. Если Россія плохо этимъ международнымъ положеніемъ пользуется, виной этому ея тяжелое внутреннее положеніе, созданное Революціей и большевиками.

Въ какой степени послѣ неизбѣжнаго въ будущемъ паденія боль-

шевиковъ Россія сумѣетъ воспользоваться выгодами своего международнаго положенія, опять таки будетъ зависѣть отъ хода ея внутренней соціально-политической эволюціи. Въ этой послѣдней интересна будущая роль трехъ основныхъ факторовъ: Царя, крестьянства и мыслящаго руководящаго класса.

Какъ я уже достаточно это выяснилъ, монархической идеѣ еще суждено сыграть въ судьбахъ нашего отечества крупную , дастъ Богъ, благотворную роль.

Народъ, т. е. крестьяне (для прочитавшаго этотъ очеркъ подобное утвержденіе, надѣюсь, не покажется парадоксальнымъ), народъ, говорю я, морально мало измѣнился отъ всего происшедшаго, т. е. попрежнему представляетъ изъ себя хотя и сырой, но вполнѣ доброкачественный, прочный матеріалъ для соціальнаго и государственнаго сторительства. Нужно только, чтобы имъ занялись и притомъ не въ томъ превратномъ направленіи, какъ до сихъ поръ, а въ томъ, которое мною въ настоящемъ очеркѣ, мнѣ кажется, достаточно выяснено.

Тутъ то мы и подходимъ къ ахилесовой пятѣ русской жизни. Направленіе это можетъ и долженъ дать высшій правящій классъ. Мы знаемъ, насколько до сихъ поръ ложно было міровоззрѣніе и ошибочна дѣятельность этого класса въ Россіи, приведшая насъ къ Революціи. Какимъ проявитъ себя міровоззрѣніе этого класса въ будущей Россіи, стряхнувшей съ себя иго большевизма, будетъ ли это міровоззрѣніе соотвѣтствовать жизненнымъ запросамъ Россіи? Если нѣтъ, то кѣмъ и скоро ли будетъ этотъ классъ замѣненъ въ будущей соціально-политической жизни Россіи? Вотъ вопросы, отъ того или иного и притомъ болѣе или менѣе быстраго разрѣшенія которыхъ будетъ зависѣть будущее благополучіе и культурный прогрессъ Россіи.

Иначе говоря, будущность Россіи въ значительной степени зависитъ отъ того, воспользуется ли наша «интеллигенція» (въ широкомъ смыслѣ этого слова) жестокимъ урокомъ, преподаннымъ ей только что пережитыми ею ужасными событіями. Воспользоваться урокомъ значитъ правильно уяснить себѣ его и понять истинный его смыслъ и значеніе. Если настоящимъ очеркомъ мнѣ хоть сколько-нибудь удастся способствовать правильному пониманію и уясненію нашего прошлаго нашей «интеллигенціей», думаю, что цѣль настоящаго моего печатнаго выступленія будетъ вполнѣ достигнута.

XXVI.

Выпуская эти строки въ свѣтъ, я позволю себѣ закончить ихъ еще нѣсколькими словами pro domo sua. Въ настоящемъ очеркѣ я позволилъ себѣ подвергнуть довольно суровой критикѣ и былыхъ русскихъ монарховъ и нашъ высшій правящій классъ въ широкомъ смыслѣ этого слова. Государи, о которыхъ я говорю, уже въ могилѣ и дѣятельность ихъ достояніе Исторіи. Но подавляющее большинство представителей правящаго класса, который я здѣсь критикую, живо и, вдобавокъ, сплошь да рядомъ въ весьма бѣдственномъ положеніи. Да не будетъ же мнѣ сдѣланъ незаслуженный упрекъ, что я въ данномъ случаѣ пытаюсь «бить лежачихъ»! Нѣтъ, всѣ мысли, выраженныя мною въ этомъ очеркѣ, начиная съ сужденія моего о нашей интеллигенціи вплоть до сужденія о роли и значеніи крѣпостного права, я уже задолго до войны и Революціи не разъ открыто и откровенно высказывалъ (почти всегда въ ущербъ моей политической репутаціи), какъ въ моихъ печатныхъ статьяхъ, такъ и въ докладахъ Земскимъ Собраніямъ и въ рѣчахъ передъ Государственной Думой. Самое яркое тому доказательство моя рѣчь о значеніи крѣпостного права, произнесенная въ Общемъ Собраніи Государственной Думы 18 мая 1913 года, рѣчь, за которую я былъ въ свое время въ достаточной степени заклеймленъ всей нашей повременной печатью.

Итакъ, если кое кого мои взгляды, изложенные въ этомъ очеркѣ, поразятъ своей новизной, то для меня они далеко не новинка. Мнѣ только нельзя не пожалѣть о томъ, что по столь сложному и больному вопросу, какъ затронутый мной въ настоящемъ очеркѣ, мнѣ приходится высказываться въ такой моментъ , когда и по условіямъ моей жизни и по отсутствію подъ рукой матеріаловъ я вынужденъ писать въ крайне невыгодной для литературнаго труда обстановкѣ. «Литературность» моего очерка, несомнѣнно, отъ этого сильно пострадала. Затѣмъ, при обширности темы и сжатости очерка, я не могъ и не долженъ былъ подробно останавливаться на историческихъ и иныхъ доказательствахъ многихъ моихъ соціальныхъ и политическихъ утвержденій. Поэтому въ моемъ очеркѣ, несомнѣнно, много недоговореннаго и недостаточно выясненнаго. Съ другой стороны, сложность темы, запутанность русской соціально-политической жизни и отношеній («неразбериха», какъ я ее назвалъ), очень затрудняли планъ и систематичность изложенія. Несомнѣнно, что у меня въ ходѣ изложенія замѣчается нѣкоторая безпорядочность, а также повторе-

нія. Чтобы избѣгнуть этого, надо было посвятить этому очерку несравненно больше времени и труда, чѣмъ ихъ было въ моемъ распоряженіи.

Я надѣюсь, что читатель извинитъ всѣ эти, думается мнѣ, въ данномъ случаѣ второстепенные недочеты, и признаетъ то, что единственно для меня важно, а именно, что въ моемъ очеркѣ затронута и до извѣстной степени выяснена та сторона вопроса о нашей Революціи и будущности Россіи, которой, къ сожалѣнію, мало кто касается, а въ которой между тѣмъ, на мой взглядъ, весь центръ тяжести вопроса.

Май 1925 г.,
село Изворы Бѣлецкаго уѣзда.

Почтово-телеграфный адресъ:
Sculéni, Bessarabie, Roumanie.

ОГЛАВЛЕНІЕ

		Стр.
I.	Краткая характеристика предреволюціонной соціально-политической Россіи	5
II.	Основныя черты большевизма. Разница между соціально-экономическимъ строемъ Россіи и Западной Европы	10
III.	Психика русскаго крестьянина и западно-европейскаго	15
IV.	Роль высшихъ общественныхъ классовъ въ экономической, соціальной и политической жизни страны. Прошлое этихъ классовъ въ Западной Европѣ и у насъ	18
V.	Историческіе факторы, способствовавшіе развалу русскихъ высшихъ общественныхъ классовъ: самовластіе нашихъ государей и вліяніе на насъ западно-европейской идейности черезъ призму нашей культурной отсталости и неподготовленности	22
VI.	Русское дворянство и реформы Петра Великаго	29
VII.	Соприкосновеніе русской политической мысли съ западно-европейской идейностью въ Вѣкъ Екатерины II-ой и Александра I-го	32
VIII.	Генезисъ русскаго «интеллигентскаго» мышленія	36
IX.	Александръ II-ой, освобожденіе крестьянъ и отказъ дать конституцію	39
X.	Послѣэмансипаціонная соціально-политическая и моральная эволюція русскихъ общественныхъ классовъ. Эволюція нашей бюрократіи	42
XI.	Послѣэмансипаціонная эволюція нашего дворянства и интеллигенціи	44

Стр.

XII. То-же 47
XIII. Земство и его роль въ политической жизни послѣэмансипаціонной Россіи 49
XIV. Послѣэмансипаціонная эволюція нашего крестьянства 53
XV. Ростъ революціоннаго движенія и безсистемная неумѣлая борьба съ нимъ правительства 56
XVI. Кто виноватъ въ нашемъ революціонномъ катаклизмѣ? 60
XVII. О будущности нашего дворянства и интеллигенціи 61
XVIII. Грѣшники «кающіеся» и «неисправимые» среди нашей интеллигенціи 64
XIX. Причины длительнаго пребыванія большевиковъ у власти 67
XX. Психологическія основы монархическаго чувства ... 70
XXI. Основы русскаго монархическаго чувства и будущность монархіи въ Россіи 72
XXII. Въ какихъ формахъ должна бы возстановиться монархія въ Россіи? 75
XXIII. Будущность нашего крестьянства и земельный вопросъ 79
XXIV. О международномъ положеніи Россіи въ связи съ результатами войны 82
XXV. Центръ тяжести вопроса о нашемъ будущемъ 83
XXVI. Нѣсколько словъ pro domo sua 85

Imprimerie de Navarre,
5, rue des Gobelins 5, Paris.